

12+

Олег Андреев

Роботы и Луна

Олег Петрович Андреев

Роботы и Луна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54123398

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05948-1

Аннотация

Человекоподобные роботы запрещены на Земле, но не в космосе. В ящиках, похожих на гробы, только что изготовленных железных людей грузят на космические челноки и отправляют лунным рейсом. Но иногда роботы теряются, неприкаянно бродят в толпе, комплексуют, депрессируют, впадают в аффективный синдром и даже съезжают с катушек. Одного такого и встречает двоечник и хулиган из Воскресной школы Пашка Елисеев. Две родственные души быстро находят общий язык, тем более, что подсыпать попу махорку в тесто – этап пройденный. Из далёкой Галактики являются злонамеренные инопланетяне, и обстоятельства требуют более серьёзных мер...

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	16
5	19
6	21
7	26
8	32
9	37
10	39
11	44
12	47
13	50
14	54
15	59
16	64
17	71
18	76
19	78
20	84
21	91
22	93
23	98

24	100
25	104
26	107
27	112
28	114
29	116
30	119
31	123
32	128
33	131
34	135
35	138
О. П. Андреев	139

«Не думаю, что можно заставить всех людей любить друг друга, но я желал бы уничтожить ненависть между людьми. И я совершенно серьёзно полагаю, что научная фантастика есть одно из звеньев, которые помогают соединить человечество. Проблемы, которые мы поднимаем в фантастике, становятся насущными проблемами всего человечества... Писатель-фантаст, читатель фантастики, сама фантастика служат человечеству».

Айзек АЗИМОВ

1

В межгалактическом пространстве скорость – понятие относительное. В особенности, когда не к чему привязать систему координат, а наблюдатель и вовсе отсутствует.

Обычно в качестве наблюдателя предполагается человек или хотя бы инопланетянин, в чём-то похожий на человека. Но, по мнению некоторых, самый лучший, даже единственный наблюдатель во всем Мироздании – Господь Бог. Об этом написано в древних книгах, авторитет которых незыблем в просвещённом XXI веке, и вероятно, это так. Я тоже так думаю, и я очень переживаю, что в этот раз Бог не уследил за пустынным пространством бескрайнего космоса на подходе к нашей галактике Млечный Путь.

Эта штука, летящая с неопределённой скоростью неопределённое время, была неживая. Может, поэтому никто из сильных Мироздания не обращал на неё внимания. Она была очень похожа на электронно-вычислительное устройство, но таковым не являлась. Кто-то когда-то записал у неё в атомах некую программу действий, и решил, что это хорошо. Во всяком случае – забавно. Несёт в мир смысл и упорядоченность.

Люди, в общем, догадывались о подобных штуках и даже дали им название: «Зонд фон Неймана».

Так вот, по человеческим меркам, этот Зонд летел быст-

рее света. Он умел делать что-то с пространством, то ли сжимая его повдоль, то ли растягивая поперёк, то ли находя дорогу вдоль линии четвертого линейного измерения, трансцендентного относительно прочих, а потому дающего колоссальную фору для перемещения. Во всяком случае, когда Зонд заметил Млечный путь, ему потребовалось не так много времени для коррекции курса и выхода на цель. А цель самая благородная – переработать всю массу галактики в Зонды, подобные ему, и двинуться дальше.

Следовало с чего-то начать, и небольшая жёлтая звезда на окраине галактики чисто случайно оказалась в точке торможения. Подлетев ближе, Зонд затормозил окончательно и медленно, торжественно опустился на небольшое планетное тело. Люков, чтобы открыть, у него не было, Зонд просто протянул силовые поля наружу, скопировал из атомов необходимую структуру, и в пыли, более известной как реголит, отпечталось первое упорядоченное творение: разведчик.

2

– Елисеев, именем Господа, куда ты запропастился?! – в голосе сопровождающей наставницы сквозило такое раздражение, что Господь, упомянутый ею, мог подумать практически что угодно. Мальчик по фамилии Елисеев был особо отмечен в характеристике из Воскресной школы. И отметка сия нисколько не располагала к нему ни Церковное начальство, ни проверяющих из Синода, ни даже эту милovidную женщину, имевшую несчастье заполучить подобное «недо-разумение» в группу.

– Елисеев! Ребята... давайте хором: Христом-богом, выйди!

Группа воспитанников, чинно и благолепно держащихся за руки парочками, слаженно повторила:

– Елисеев... Христом-богом...

– Выйди, – продолжила наставница.

– Выйди!

Если бы добрая женщина услышала, что пробормотал под нос мальчик Елисеев, заслышав христианский призыв, то вполне могла и в обморок упасть.

– Пошли все к чёрту...

Елисеев, двенадцатилетний подросток, хитро отстал от группы воспитанников, направлявшейся в космопорт, и сидел сейчас в кабине быстроходного электромобиля «Тес-

ла-21013». Неведомый водитель сего чуда так торопился, что не запер дверь машины, понадеявшись, наверное, на высокие моральные качества христиан.

Тщетно! Конечно, Елисеев тоже был христианин. Единственно верное учение, которое уже давно никто не называл религией, распространялось на всех без исключения. Кто-то мог быть плохим, кто-то хорошим, кто-то сидеть в тюрьме или заседать в парламенте, но христианином обязан быть каждый. Это непреложная истина нового счастливого мира, и только в ней заключался секрет благополучия и прогресса.

Качества Елисеева оставляли желать лучшего. В характеристике из Воскресной школы много чего было, но самое главное осталось за кадром. У наставника отца Анафеона просто рука не поднялась написать, что однажды этот негодник, начитавшись подобранной в мусорном баке древней бумажной книжонки, взял и насыпал в пасхальное тесто глауберовой соли! Половина школы осталась на святой праздник без куличей, а сам отец Анафеон, не заметив странного привкуса, наелся их с чаем и впоследствии два дня не вылезал из сортира. Похудел на семь килограммов и с лица спал так, что на Господа нашего Христа сделался похожим. Поступок более, чем возмутительный.

– Елисеев... Христом-богом... – снова донеслось снаружи, но призываемый оставался глух к мольбам. Он был занят сложным и ответственным делом: открутив кожух рулевой колонки, подбирал проводки, чтобы запустить бортовой

компьютер «Теслы».

Аникеева – молодая наставница сей достойной группы – чуть не плакала. Всё-то она знала про Елисеева, отец Анафеон особо предупреждал, чтобы глаз с мальчика не спускала, и вот – нате вам. Челнок стартует по расписанию, жёстко заданному положением Земли и Луны относительно друг друга. Никто их ждать не станет, и вся поездка в Храм Семи Мучеников на Селене может не состояться. Неужто мальчику не хочется помолиться в лунном Святилище? Сколько паломников стремятся туда, но из-за высокой стоимости билета не всем это удаётся, а тут...

Наставница вздрогнула от испуга – ей вдруг пришло в голову, что не один Елисеев мог исчезнуть из-под надзора. Оглянувшись на вверенных отроков, Аникеева начала пересчитывать по головам, сбиваясь и оттого по-детски всхлипывая.

Отроки оказались на месте. Если им и хотелось, подобно Елисееву, разбежаться в разные стороны, христианская дисциплина перевешивала мирские соблазны. Только две девочки – Катя и Вера – отстали от прочих и смотрели сейчас вглубь автостоянки, показывая на что-то пальцем. Такое поведение, вообще-то, не поощрялось Кодексом Христианского Смирненника, но девочкам было простительно.

– Что вы там видите? – спросила Аникеева для проформы.

– Там... Елисеев. Он в машине! – хором ответили девочки и несчастная наставница чуть не упала в обморок.

– Елисеев!! – заорала она, но было поздно. Что рывкнуло, взвизгнуло, и из гущи машин вылетела вишнёвая «Тесла-21013». Казалось, что машиной кто-то выстрелил из катапульты. Если за рулём и сидел подросток, понять это можно было только по беспорядочному метанию автомобиля на трассе.

«О, Господи Христос... – обречённо подумала молодая учительница. – Автопилот не работает...»

3

Автопилот в самом деле не работал. Но не потому, что внезапно сломался, а по причине размыкания зелёного провода. Елисейев перебрал их все и довольно быстро сумел запустить бортовой компьютер, но чтобы стронуть «Теслу» с места, этого оказалось мало.

– За рулём несовершеннолетний, – объявило устройство из квадрофонических колонок. – Выезд запрещён.

Юный водитель на секунду задумался, потом спросил:

– Что надо сделать для разрешения выезда?

– Повзрослеть на шесть лет, – не без юмора ответил компьютер.

– Назови все варианты, – не сдался Елисейев.

– Можно отключить компьютер и управлять вручную. Но на данной модели ручное управление без помощи сопроцессора невозможно.

– Ещё что?

– Заблокировать модуль проверки физиологических характеристик. Данная блокировка не рекомендуется, ибо за руль может сесть пьяный водитель.

– Блокируй! – поступила немедленная команда.

– Не могу. Блокировка носит механический характер.

– Как это? Меха...

– Нужно разорвать цепь А25-F14. Зелёный провод.

Елисеев устался на вытащенный из-под рулевой колонки моток проводов: вот он, зелёный. Быстро выдернул телефонный разъём и скомандовал:

– Поехали!

Компьютер не ответил. Он теперь отключился почти полностью и, если колесами ещё мог подруливать, то говорить был не в состоянии.

– А, чёрт... – пробормотал юный воспитанник Воскресной школы и схватился за руль. – Давай!

После нажатия педали акселератора машина прыгнула задним ходом и тотчас оказалась на трассе. Невдалеке наставница Аникеева с ужасом смотрела на выкрутасы машины, и хотя на бортах её были нарисованы полуметровые Кресты Господни, в глазах женщины это чудище выглядело теперь чем-то демоническим. Будто со стенной росписи Храма Всех Святых спрыгнул чёрт с рогами и скачет, губя души христианские.

– Плохой... мальчик... – вот и всё, что могла сказать несчастная.

Мальчик нимало не задумывался о своих качествах. Ему было не до того – оставшись без автопилота, «Тесла» приобрела свойства снаряда на колесиках, и требовалось всё возможное внимание, вся ловкость, чтобы просто удержаться на трассе. Впрочем, Елисеев не знал, что даже наполовину вырубленный, компьютер пытается помочь с управлением, компенсируя самые фатальные ошибки.

С трудом выровняв машину вдоль дороги, юный водитель пробормотал: «Ну, с богом!» – и выжал акселератор до упора. Упоминание Господа в данной ситуации было своевременным, но Елисеев сказал это чисто машинально, не задумываясь. Вряд ли Бог был в этот момент с ним: колеса «Теслы», проскальзывая, завертелись с невероятной скоростью, подхватили асфальт, и машина прыгнула, как не прыгала ещё никогда. Электрический двигатель в 1780 киловатт выдал такой крутящий момент, что мимо группы своих одноклассников Елисеев промчался со скоростью за 300 километров в час.

Ударная волна раскидала школьников по обочинам, а учительницу, стоявшую почти на пути этой торпеды, вознесла в воздух без всякого Святого Духа и отправила бы прямиком в Златые Чертоги, если бы... ну, если бы Чертоги не писались через слово «черт».

– Елисеев... – пробормотала Аникеева, приземляясь на песчаный бархан в 15 метрах от трассы. И это было ещё удачное приземление, достойное похвалы святым угодникам.

Американская машина замечательно шла по отечественному шоссе. Конечно, скорость в 450 км/час несколько ухудшает управляемость и способность держать дорогу, но Павел Елисеев не заморачивался на мелочи. Тем более, что через короткое время он заметил: машина вроде сама помогает не слететь со ставшей внезапно узкой семиполосной трассы. Похоже, что сопроцессор доруливал вблизи обочин, а на по-

воротах подрезал по внутренней стороне дуги. Сам Елисеев до такого не додумался бы и наверняка вылетел на барханы вслед за Аникеевой.

Вскоре он вообще отпустил руль, и «Тесла» продолжала мчаться, повинуюсь прижатому акселератору и молчаливому электронному мозгу. Космодром быстро приближался, и высящиеся ракеты вырастали на глазах. Что он будет делать там, Пашка не особенно задумывался – главное было оторваться от группы воспитанников, хоть немного побыть одному наедине с чудесной техникой и не слышать эти очертеневшие речи про Господа Христа, Вифлеемские Звёзды, Святости и Благодати.

Отец Анафеон был прав – Пашка действительно когда-то прочитал запрещённую бумажную книгу с оторванным названием. Но глауберову соль в ней никто попам в тесто не сыпал. Всё было значительно хуже – в книге про попов не было сказано ни одного слова. Люди рождались, жили, творили, стремились к звёздам, умирали в бою, а этих вездесущих батюшек будто не существовало. Какой странный мир! Неужто люди когда-то жили в таком? Или даже... он где-то есть сейчас?

«Тесла» стремительно приближалась к космопорту.

4

Отец Фифофан готовился к освящению космического челнока. Дело это чрезвычайно ответственное, следовало учесть множество факторов. Например, Святая вода должна настаиваться на Кресте Господнем не меньше пяти суток, чтобы Дух Святости надёжно закрепился и усилился. Далее, рясу на такое мероприятие следует одевать обязательно нестиранную, ибо она тоже должна пропитаться Духом, идущим уже от самого священника. Само собой, дабы Дух был достаточно крепок и мог отпугнуть любых, самых назойливых Нечистых, священнику необходимо воздерживаться от мытья не менее 40 дней. Это тяжёлое испытание хотя бы потому, что ракеты запускались часто, и бывало, приходилось воздерживаться от мытья по несколько месяцев, а то и лет. Короткий 20-дневный церковный отпуск не позволял расслабиться и помыться. Отец Фифофан в своё время отправлял Мудрейшему Патриарху челобитную с нижайшей просьбой увеличить отпуск до 41 дня, чтобы мыться хоть раз в год. Но просьба была отклонена, а Фифофан сослан в пустыню, на этот космодром с наиболее оживлённым графиком.

Были и другие заморочки. Фифофан, уже несколько лет освящая запуски, всё пронёс через сердце и душу. Но то, что случилось сегодня, превосходило самые худшие ожидания: этот никуда не годный служака Канюков разлил Святую во-

ду! Это была самая правильная Святая вода, прилежный священник лично погружал в неё Крест Господень неделю назад. И Крест не какого-нибудь китайского производства из пластмассы, переработанной на четыре раза и при нагревании воняющей селёдкой, нет! Крест ручной работы, с бриллиантами и изумрудами, присланный специально для такого дела из самой Канцелярии Синода.

Чёрт бы с ней, с водой. Креста не было – вот в чём дело. То есть, Крест-то на всех и всём, но вот этого Креста – с драгоценными камушками – в луже Святой воды не оказалось.

– Канюков... – придерживая дыхание, спросил отец Фифофан. – Ты не видел Крест Господень?

И Канюков так же кротко ответил:

– Видел.

И показал пальцем на церковный «Форд» со Святым изображением на борту.

Фифофану захотелось дать Канюкову в морду. И так бы он это и сделал, но тут произошло нечто, вовсе не предусмотренное планом Освящения космических кораблей.

С рёвом и визгом из ниоткуда возник Демон!

Отец Фифофан сразу его узнал. Нечистый воспользовался посрамлением Святой воды и напал на беспомощных Освятителей. С хохотом ударил Демон по коробкам со Святыми Дарами, разметал их по полю метров на пятьдесят, а потом плюхнулся в лужу Святой воды с такой силой, что она вскипела и превратилась в пар. Завертелся, закрутился, зарего-

тал громовым Сатанинским голосом, зашипел... и исчез.

Ветер развевал бороду отца Фифофана, когда он стоял на коленях и молчал.

Рядом на коленях стоял служка Канюков. У него в руке был Крест Господень с брильянтами и изумрудами. Кажется, вороватый служка хотел защититься им от Демона и вытащил из кармана.

Отец Фифофан пошевелился, повернул голову...

– Ах, ты, воруго! Ах, ты... А ну, отдай!

И служка Канюков получил таки в морду.

Отрок Елисеев влетел на территорию космодрома со скоростью не более 300 км/ч. Как ни прижимал он акселератор, процессор имел собственное мнение на некоторые вещи и послушно притормозил ввиду ограничительного знака. 30 км/ч – значилось на нём, но наполовину отключенному компьютеру простительно ошибиться на порядок.

За пару секунд «Тесла» прошла вдоль десятка выстроенных в ряд стартовых площадок, на двух из которых уже были установлены челноки. На одном к Луне должна была стартовать группа учеников Воскресной школы, а вот другой... это было поинтереснее! Самый настоящий американский шатл. Редкий гость на русских космодромах – каким Богом или Дьяволом занесло его сюда, у высших сил и спрашивать надо.

Оба корабля были полностью заправлены и готовы к запуску. Отличие между ними заключалось лишь в том, что русское «Правоверие» было больше «Нортон» примерно в пять раз по массе и вдвое по высоте. Пассажиры в количестве двухсот человек уже заняли противоперегрузочные кресла, и с нетерпением ожидали, когда батюшка Фифофан закончит Освящение. «Нортон» освящать не предполагалось.

Елисеев мчался на второй круг, когда и случилось непри-

ятное столкновение с Освятителями. Правда, ни служителей Церкви, ни коробок с Дарами он даже не заметил, но когда «Тесла» плюхнулась в лужу Святой воды, и машина, потеряв сцепление, завертелась волчком, выругался самым неблагопристойным образом:

– Да что за мочу верблюда тут разлили?!

«Моча» не устояла перед колёсами «Теслы»: вскипела, пар рванул во все стороны и попал в датчики пожаротушения. Неизвестно, что подумали датчики, но сработали за 0,1 секунды, и изо всех технологических отверстий с дьявольским шипением полезла углекислая пена. Все радары и лидары мгновенно оказались залеплены, компьютер потерял ориентировку и начал беспорядочно вертеть рулевую колонку, нажимать педали и подавать сигналы бедствия лампочками (ВайФай был отключен раньше разрывом зелёного провода).

Обнаружив, что машина сошла с ума, Пашка некоторое время ещё боролся с ней, проиграл, всхлипнул напоследок и сцепил руки на груди. Вовремя! Пытаясь спасти пассажира, процессор «Теслы» принял единственно верное решение:

Хрясь! – сработала катапульта.

Хлоп! – раскрылся купол парашюта.

Фи-у! – засвистел ветер. – Фиу-иу!

Хлобысь! – кресло с Пашкой влетело в раскрытый грузовой люк американского шаттла, забрэнчало там будто пустыми канистрами, отстрелило ненужный парашют... и всё стихло.

6

Джон Смит сидел в наблюдательной рубке Станции № 7 на Луне.

Боевое дежурство – так называлось его сидение, но персонал уже давно окрестил это «бородатым» дежурством. И дело не в том, что за 24 часа астронавт заметно обрастал щетиной, нет, главным было отсутствие реального смысла в непрерывном слежении за лунной поверхностью. Когда-то страх вызывала любая тень на этом не слишком гостеприимном спутнике Земли. За любым валуном мог притаиться инопланетянин, похожий на тарантула; прямо из скалы, открыв тайный люк, мог выпрыгнуть селенит с ножом в зубах; а далеко за пределами Зоны безопасности туда-сюда бегали русские космонавты и строили что-то непонятное.

Спустя некоторое время стало ясным, что инопланетян реальнее встретить на родной планете в парке Диснея, селенитов не существует, а непонятная стройка русских оказалась гигантским Храмом Семи Мучеников на Селене. Что за мученики, русские не поясняли, но молиться приглашали всех желающих, и Джон Смит бывал там неоднократно. Русские, кажется, сошли с ума, затеяв это строительство на Луне, но помещение и вправду выглядело внушительно. Снаружи вроде Собора Парижской Богоматери, только выше в несколько раз по причине слабого тяготения, но так же с Гор-

гульями, Химерами и Демоницами, – а внутри снежно-белые стены, расписанные великолепными фресками на библейскую тематику. Капеллан Станции № 7 настоятельно рекомендовал чаще посещать сие прибежище Благолепия, а сам оттуда практически не вылезал и на старо-славянском языке говорил уже лучше, чем на старом добром пиджин-инглиш.

Смит потрогал подбородок – щетина ещё не отросла, рано. Он сидел в кресле дежурного 10 часов и сейчас, когда все на станции легли спать, можно было расслабиться. Джон вытащил из кармана флешку на 150 терабайт и вставил в системный блок Главного суперкомпьютера. На прошлом дежурстве он застрял на 14-м уровне, том самом, где добрый рыцарь Айвенго дерётся с Чёрным рыцарем – кажется, королём Ричардом, но ещё не понятно. Надо будет либо добить этого Ричарда, либо выяснить, кто он такой. После сразу откроется проход на 15-й уровень, значительно более сложный – середина 20 века, вторая Мировая война – и там наверняка удастся танчики погонять. Погоняем!

...Спустя какое-то время Джон отвлёкся от виртуального монитора и с досадой уставился в смотровое окно. Дело в том, что Чёрный рыцарь оказался весьма искусен в фехтовании двуручным мечом, и голова сэра Айвенго в третий раз покатила в канаву по каменистой почве Англии. Запас жизненной силы не распределен, человек не кошка, и боль-

ше трёх жизней не давали никому, будь ты даже американский астронавт. Предстоял весьма обидный принудительный переход на 13-й уровень.

В глазах мельтешили фигуры рыцарей, йоменов, разбойников из леса, и наверное потому, Смит не сразу осознал, что на пустынной равнине Зоны, почти как на экране монитора, что-то движется. Тёмная фигура ростом около трёх футов перемещалась иноходью, быстро переставляя восемь тонких длинных лап; иногда замирала и ощупывала передними лапами валун на пути, потом снова начинала движение. Все её действия напоминали повадки гигантского паука, да и вообще, она была похожа на тарантула.

Джон протёр глаза. Фигура не исчезла. Тогда он протянул руку и включил наружный прожектор. Мощный луч ударил в «тарантула», тот оказался виден как на ладони, и астронавт раскрыл от удивления рот. Этого не могло быть, но это было! В ярком свете стало видно, что громадный паук – вовсе не механическое устройство, а некая кристаллическая структура, больше похожая на оживший камень. Ничего подобного не было ни у американцев, ни даже у русских или китайцев, а значит...

«Тарантул», оказавшись в луче света, подпрыгнул, резко развернулся и бросился в сторону станции. С ошеломляющей скоростью надвинулся прямо на смотровое окно и, будто разглядев в нём человека, врезался в бронированное стекло.

Джон отшатнулся от неожиданности. Вблизи эта штука производила куда худшее впечатление, чем можно было ожидать. Что-то невероятно чуждое, мёртвое смотрело сквозь стекло на человека и исчезать не собиралось. Если до того Джон ещё мог предположить расстройство зрения в себе самом, то оказавшись на расстоянии полуметра от этого... этой штуки, мгновенно осознал происходящее.

– О...блин... Ино... плане...

Штука подняла переднюю лапку и легонько стукнула в стекло.

Смит никак не мог прийти в себя, но всё же поднял руку навстречу гостю:

– При...вет!..

И тут штука ударила лапой в панорамное окно с такой силой, что бронированное стекло прогнулось и треснуло. Зашипел воздух, и следом: т-р-р! – зазвенела система сигнализации. Что-то хлопнуло, и воздух наполнился шариками из вязкой пластмассы. Шарик поплыл к трещине в иллюминаторе и начал лопаться, заполняя смолой прорыв в вакуум.

– А... что... – никак не мог прийти в себя Смит, но всё же нашёл достаточно разума протянуть руку и нажать кнопку общей тревоги. Завизжала сирена, в истории Луны ни разу ещё не визжавшая, замигал свет, а инопланетная штука... двумя лапами ударила в окно и вышибла его внутрь! Под давлением воздуха стекло перевернулось, ударилось поперек широкого отверстия, лопнуло на несколько кусков и унес-

лось в пространство. Американский астронавт Джон Смит, не успев надеть гермошлем, унёсся следом, а штука, похожая на гигантского каменного паука, полезла в рубку...

Сиденье «Теслы», в котором Пашка Елисеев катапультировался из терпящего бедствие автомобиля, оказалось приспособленным к перегрузкам в любых условиях. Когда раздался гром, и всё вокруг завибрировало, оно автоматически перевернулось, и Пашка очутился в сидячем положении с вектором нагрузки от груди к спине.

«Три же, – подумал Пашка. – Вот так я влип!»

Оказаться космическим зайцем на американском шаттле – это вам не Христу-богу молиться хоть двумя, хоть тремя перстами. В детских комиксах ребята обычно отправлялись в космический полёт, заслужив это молитвами и покаянием, как, примерно, была награждена путешествием на Луну их группа из Воскресной школы. Но пробраться тайком, не поставив в известность наставницу, духовника, священника... да даже диспетчера космодрома?..

Пашка ощутил себя преступником и устыдился. Ему даже пришлось два раза шмыгнуть носом, чтобы почувствовать себя увереннее.

Ускорители шаттла ревели так, что уши закладывало. Следовало одеть какой-нибудь гермошлем-шлемофон, но в грузовом отсеке ничего похожего не просматривалось, да и встать с кресла было проблематично. Пришлось зажать уши руками, но ускорение норовило выкрутить их за голову, а

ухватиться за собственные органы слуха покрепче Пашка не решился – ещё оторвёшь нечаянно!

Ускорение резко возросло – кажется, врубился ещё один двигатель, – а потом корабль вздрогнул, и перегрузка спала.

«Два же, – констатировал пилот-недоучка. – Отошла первая ступень».

Выход на орбиту был не за горами. «Не за тучами...» – всплыла в голове дурацкая мысль. Интереснее было другое: куда летит этот корабль. Можно только надеяться, что не к Марсу, где по слухам имелась американская колония из двухсот тысяч человек. Оказаться там, конечно, интересно, но лететь слишком долго – на последнем постном завтраке не дотянешь, а у астронавтов может и не хватить припасов на лишнего «зайца». Всё же несколько месяцев!

Шаттл вздрогнул опять – это отошёл топливный бак второй ступени. Но ускорение только возросло.

«Пять же, не меньше, – соображал Елисеев. – Значит, летим к Луне!»

Это было прекрасно, ибо туда он и собирался. Если что, епархия просто переведёт выделенные на него деньги как плату за проезд американцам, а значит, можно не чувствовать себя жуликом.

Наконец, ускорение уменьшилось – корабль сошёл с орбиты и отправился в недолгое путешествие к древнему спутнику планеты. Чтобы сократить время, идти предстояло на постоянной слабой тяге ионного двигателя, но даже так обычно

требовалось не меньше двух суток на дорогу. Зато на всём протяжении сохранялось подобие гравитации, и во всяком случае, можно было определиться где верх, а где низ.

Ободрившись телом и духом, Пашка ещё раз внимательно осмотрел грузовой отсек. Повсюду были привязаны к переборкам тюки, ящики, коробки. В них, конечно же, ценные и важные для «лунян» припасы. Уж если запускают такой корабль, то можно представить значимость грузов! Например, вон в том длинном, похожем на гроб без крестов ящике вполне могло оказаться ядерное горючее – не зря же сбоку предупреждение на английском:

Внимание! Не открывать ни при каких обстоятельствах! Высокая степень опасности!

Опасностей Пашка не боялся, но другое отвлекло внимание: как он ни осматривался, почему-то нигде не было заметно люка для перехода в отсек экипажа. Очень странные эти американские шаттлы – можно только надеяться, что в целях экономии астронавты, например, не стравят из замкнутого отсека воздух.

Слегка похолодало. Пашка отцепил ремни безопасности «Теслы» и с немного щемящим чувством покинул уютное надёжное кресло. Гравитация от ионного двигателя оказалась слабее, чем можно было предполагать – удар головой о верхнюю переборку подтвердил: не больше одной десятой

же.

Ещё похолодало.

«Так и замёрзнуть недолго, – пришла в голову мысль. – Надо поискать что-нибудь тёплое».

Открыв несколько похожих на тюки упаковок, Пашка не обнаружил хоть чего-нибудь смахивающего на одежду или скафандр. Сплошные радиодетали, для экономии места набитые россыпью. Возможно, что все ценные грузы представляли собой электронные компоненты – и ничего удивительного.

Удивляло другое: быстрое падение температуры в отсеке. Вскоре изо рта начал вырываться пар, как это бывает в разгар русской зимы, а потом защипало уши. Пашка снова сел в кресло, пытаясь согреться в нём, но только почувствовал, как немеют ступни ног.

Следовало немедленно что-то предпринимать, ибо становилось ясным, что американцы и вправду решили сэкономить – на отоплении грузового отсека. Даже если лететь придётся пару дней, прибыть на Луну в виде остекленевшей мумии – не самая радостная перспектива!

Схватив крупную радиодеталь, Елисейев подлетел к потолку и принялся колотить в переборку, пытаясь привлечь внимание астронавтов. Звук получился тихим и слабым, к тому же, деталь оказалась гладкой и упрямо выскользала из рук. Догнав её в полёте, Пашка автоматически прочитал название из английских закорючек, и... в другое время у него волосы

бы встали дыбом!

Позитронный мозг, модель ЭЛ-176

Колотить в переборку настоящим мозгом робота!

Следует сказать, что использование роботов с позитронным мозгом уже давно было запрещено на Земле. Святая Церковь категорически выступала против этих подоби́й человека, называя дьявольскими созданиями. Никто с Церковью не спорил, и роботов использовали исключительно в космосе, там, где человеку находиться опасно или проблематично. Елисеев знал, что на Луне эти почти разумные машины занимаются прокладкой туннелей под поверхностью: в ужасных условиях перепада температур и давления, орудуя чудовищными дезинтеграторами, роботы прорубали камень, подготавливая коридоры и помещения для человека. И вот теперь у него в руках был мозг страшного создания!

Мозг выскользнул снова – пальцы почти не повиновались. Плавно спланировав, деталь приземлилась на схожий с гробом ящик, рядом с предупреждением об опасности.

Пашка опустился следом... и только теперь увидел главное: **ЭЛ-176** – значилось на самом гробе. Робот! Внутри ящика находился робот, или, точнее, его шасси-тело.

Пальцы застыли так, что открывать запоры контейнера пришлось, ударяя тем же позитронным мозгом: двумя руками его ещё можно было удерживать. Открываться запоры не

хотели, но деваться им, как и Павлу Елисееву, было некуда. Мороз в шестьдесят градусов по Цельсию смертелен.

Крышка откинулась. Внутри лежал робот. Как вставить ему в голову эту штуку, Пашка не представлял, да и не смог бы этого сделать. Он просто уронил мозг из застывших «культей» в ящик, и тот упал рядом с головой железного чудовища. Хотелось заплакать, но слёзы замерзли и не капали.

Робот открыл глаза. Протянул руку и поднял мозг.

Внимательно рассмотрел, читая надписи, потом другой рукой раскрыл черепную коробку и вставил деталь на место. Сел в ящике и, оглядев морозное пространство просветлевшим вдруг взором, сказал:

– Человек в опасности! Включаю отопление.

И стало тепло.

8

– Дети! – торжественно объявила наставница Аникеева. – Восславим Господа нашего, ибо он послал нам счастливое путешествие! Подпевайте: славься, Христос, славься во веки! Любим тебя, Христос, навеки!..

Дети – группа учащихся Воскресной школы – с энтузиазмом подпевали. Слова они знали так, что от зубов отскакивало – за это, собственно, и были награждены путёвкой в Храм Семи Мучеников на Селене.

– Самый хороший, самый родной, Господь наш великий, всегда живой!..

За окном гигантского панорамного иллюминатора медленно и величаво проплывала Луна. Челнок российской империи «Правоверие» вышел на лунную орбиту час назад, и вправду совершив счастливое путешествие. На борту его более двухсот пассажиров предвкушали не менее счастливую посадку.

Недалеко от группы воспитанников стоял высокий бравоый мужчина с буйными кудрявыми волосами и горделиво подкручивал ус. Это был казак Артюхов. Не хочется тут противопоставлять, но скорей всего, именно благодаря ему и успела к старту космического корабля эта группа достойных детей.

Когда негодник Елисеев устроил переполох, угнав пресло-

вутую «Теслу», вдруг оказалось, что стартовый автобус прошёл мимо остановки, не заметив рассеянных по пустыне отроков. И так бы они не попали к старту, если бы следом на грузовом «Дафе» не двигался Артюхов. Он всегда и всюду ездил на «Дафе» – ему нравилась невероятная мощность грузовой электрической машины. Двигатели в 10000 киловатт позволяли не обращать внимания на дорогу под колесами – ямы, выбоины, крутые уклоны – всё было нипочём, и бравый казак чувствовал себя по-настоящему на коне.

Завидев группу растерянных детей и их смущённую наставницу, Артюхов затормозил и принял всех на борт. Внутри электрического грузовика места было достаточно для двух дивизий, что уж говорить о классе Воскресной школы.

Старт челнока «Правоверие» прошёл по расписанию, и ни один пассажир (если не считать заблудшего Елисеева) не остался на берегу.

Путешествие к Луне на слабой ионной тяге продолжалось двое суток, и за это время казак хорошо познакомился с матушкой Аникеевой. Оба они любили Отечество, Царя, Боголепие, и такое духовное родство не могло не сблизить двух людей. Артюхов участвовал в общих песнопениях, и его могучий бас частенько разносился по кораблю, вызывая удивление прочих пассажиров.

Казак показал матушке, что он везёт в таинственной продолговатой коробке, которую даже во время старта, невзирая на изрядное ускорение, прижимал к груди. Дедовская сабля!

– Этой саблей предки мои рубали нечисть и басурманов! – рассказывал Артюхов, а дети восторженно слушали. – Головы летели направо-налево, когда мой пра-пра-прадед проби-вался сквозь строй янычар! Ни один не ушёл живым, воистину, благодать с нами!

И дети ангельскими голосами подтвердили хором:

– Воистину с нами!

Матушка Аникеева тайком вытерла выкатившуюся слезу.

Мимо прошёл капитан, остановился и доброжелательно кивнул.

– Посадка через полчаса, будьте готовы, – сообщил матушке.

Пассажиры вновь заняли противоперегрузочные кресла. Челнок отключил ионные двигатели, мгновение невесомости, потом несколько резких толчков, и поверхность Луны начала быстро приближаться. Казалось, что до неё рукой подать, но это был оптический обман. Капитан уверенной рукой вёл корабль на посадку, ориентируясь больше на показания приборов – гравиметра, потенциометра, датчики тангажа, рассеяния, отклонения и других. Приборов было так много, что можно с уверенностью утверждать: только Вера и Молитва позволяли этому достойному космонавту выполнять работу чётко, отлажено, ответственно. Души пассажиров были в надёжных руках.

Лунный пейзаж за бортом бежал всё быстрее, а потом под всеобщее: «Ох!» – на экраны выплыло гигантское зда-

ние Храма Семи Мучеников. Капитан заложил вираж, и пассажиры смогли во всех подробностях разглядеть это великолепное прибежище истинной Веры. Высота его составляла непредставимые на Земле 900 метров, а шпили тянулись ещё на 150 метров. Выполненное из блоков лунного камня и прессованного реголита, здание по примеру лучших соборов мира было украшено тысячами фигур Горгулий, Химер, Ангелов и Демонов. Все эти чудовища должны были охранять мир и покой верующих во время молитв, отпугивать злых духов, давать пищу для размышлений. Символически, они представляли победу Господа на Тьмой, Бездной и Отчаянием, и доказывали каждому, что с именем Его на устах можно даже отъявленную Нечисть поставить на службу правому делу. У громадных дверей в собор стояли два Чёрных Рыцаря, символизировавших честь и доблесть защитников Веры. Они опирались на тяжёлые двуручные мечи, а на груди каждого был отчеканен восьмиконечный Крест святого Лазаря.

Всё это пассажиры челнока разглядели в подробностях, ибо осмотр Храма с орбиты входил в программу паломничества. Впрочем, и сама посадочная площадка располагалась невдалеке, так что, однажды появившись перед потрясенными людьми, собор уже не исчезал из поля зрения до самого отбытия на Землю.

– Славься, Господь! – воскликнул кто-то из пассажиров от избытка чувств, и слова эти подхватила сотня голосов: – Славься! Славься!

Казак Артюхов подкручивал ус и улыбался. Коробка с саблей на его коленях лежала ровно и звуков не издавала. Луна быстро приближалась.

9

Зонд фон Неймана изучал принесённый разведчиком предмет. Штука оказалась интересная – в памяти Зонда не было ничего подобного. Какое-то молекулярно упорядоченное устройство с отдельными атомарно-упорядоченными компонентами. Работало исключительно при внешнем приложении разности потенциалов. Сама по себе такая вещь не могла образоваться (как, впрочем, и Зонд), а значит, её кто-то изготовил.

Разведчик передал информацию, что в месте обитания этих штуковин присутствуют и другие упорядоченные структуры. Некоторые вообще ни на что не похожие, а состоящие из легкого элемента углерода и воды. Странно, как они могли функционировать в этих явно неподходящих условиях планеты.

Зонд решил изучить углеродные структуры подробнее, тем более, что сделать это не представляло затруднений – их там было несколько тысяч. Отпечатав в лунной пыли – реголите – ещё некоторое количество разведчиков, он отправил их за образцами, а сам сосредоточился на молекулярно-электрическом устройстве. Внутри его прятался довольно хитро устроенный компонент, содержащий, кажется, массив данных. Это могла быть информация о здешнем мире, что являлось сильным везением.

После приложения необходимой разности потенциалов, штука начала выдавать модулированные по фазе, силе и частоте сигналы. Расшифровка их смысла не потребовала много времени, и перед Зондом открылось окно в мир полный безумия, бессмысленности, лжи и наглой самоуверенности в собственном превосходстве.

Через несколько часов изучения информации Зонду захотелось иметь какие-либо взаимодействия с местной, как они себя называли, цивилизацией. Более того! Он понял, что лучшим вариантом действий будет продолжение работы по его Программе, не взирая ни на кого, и ни на что. А если углеродные структуры попытаются помешать... теперь он знал, как нейтрализовать их самым быстрым и надёжным образом.

«Что-то разведчики долго не возвращаются», – примерно такая мысль вдруг всплыла перед сознанием Зонда. Он отложил в сторону молекулярно-электрическую штуку и протянул силовые поля в поисках своих посланников.

И ахнул.

10

Пашка Елисеев повернулся к роботу и сказал:

– Ты хочешь сказать, что разумен как человек?

Робот задумался.

– Нет, я не это хотел сказать. Мозги у меня устроены почти как у вас, людей.

Пашка расхохотался.

– Да я твоими мозгами колотил в стенку! Попробовал бы ты моими мозгами поколотить!

– Это неважно, мои в прочной упаковке. Тем более, мозгами человека и нельзя колотить в стенку – на этот счёт есть Три Закона робототехники.

– В первый раз о таких слышу. Это не Божии законы? Они меня в Воскресной школе заколебали, слышать уже не могу.

– Божии?.. – Робот почесал металлическим пальцем затылок. Потом нажал кнопку чуть ниже уха и будто прислушался. – Нет... вроде не то. Не могу точно определить, о божиих законах у меня в памяти ничего нет. Слушай сам.

И удивительный собеседник юного космического «зайца» перечислил по пунктам:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред;

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые даёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону;

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму Законам.

Елисей задумался. Отчасти эти законы походили на Божии, но таковыми, конечно, не являлись. Прочитай он их отцу Анафеону на уроке Богословия – двойка гарантирована, а может, и розги. Опасные законы!

– У нас считается, – сказал он, – что роботы – это дьявольские чудовища. При первой возможности они убивают человека, поэтому их приходится отправлять в лунные катакомбы и держать там в цепях. Никогда не слышал про Три Закона.

Человек и робот уставились друг на друга. Два набора столь различных знаний привели в замешательство обоих.

– Мы там... работаем, – наконец, пробормотал железный человек. – Мы пробиваем туннели. Потом люди заполняют их воздухом и живут. Да! – он вдруг что-то вспомнил. – Мы даже помогли строить большое здание на Луне – тот самый Храм Семи мучеников, куда ты летишь!

Пашка задумчиво кивнул. В картине мира возникли новые краски: роботы – не чудовища, а те же люди. Их позитронный мозг состоит из подобных человеческим нейрон-

ных сетей; они думают точно так же; и у них есть Законы.

– Значит, про Христа вы ничего не знаете? – всё же спросил он.

– Нет, – коротко ответил «ЭЛ-176» и уменьшил обороты тепловентилятора внутри себя. В грузовом отсеке «Нортон» сделалось достаточно тепло для человека, и следовало поберечь энергию батарейки.

Пашка засмеялся.

– Мне казалось, что воздух начинает превращаться в снег!

Робот кивнул.

– Здесь это вполне возможно. Тепло теряется в инфракрасном спектре, попросту улетая в космос. Но никто не хотел сделать тебе плохо, просто так получилось. Почему ты не хочешь связаться с экипажем? Они бы тебе помогли лучше.

– Американцы? Нет, я боюсь, что по прилунении они тотчас отправят меня к матушке Аникеевой, а та... – Пашке вдруг пришла в голову отличная идея, как обмануть робота. – А наша наставница велит выдрать меня розгами! Ты же не можешь этого допустить?

Человеческий ребёнок не знал, что среди прочих схем, роботы модели «ЭЛ» комплектовались детекторами лжи. Считалось, что это должно повысить эффективность исполнения Трёх Законов робототехники. Проверив слова отрока на ложь, робот к своему ужасу удостоверился, что тот говорит правду – его действительно могли выдрать розгами, ибо это входило в уложение Домостроя.

– Они часто пороли тебя розгами? – спросил он, пощёлкивая реле внутри корпуса.

Пашка вдруг смутился. Ему сделалось стыдно признаться, что...

– Нет, – сказал он. – Редко. Вообще не пороли.

Реле внутри корпуса щелкнуло так громко, что оба оглянулись: не попал ли в корабль микрометеорит?

– Я проведу тебя на рабочий участок нашей бригады № 8, – сообщил робот, нажимая какие-то кнопки за ухом. – Тебе выдадут скафандр, а я покажу, как мы работаем дезинтеграторами, пробивая туннели. Это очень интересно. Это самая лучшая работа в мире! Даже на Земле я пробивал туннель, и это было не так-то просто.

– Представляю, – сказал Пашка. – Поэтому тебе и вытащили мозг.

«ЭЛ-176» в удивлении уставился на собеседника. Догадливость людей его просто поражала.

– Я сделал что-то не то, – согласился он. – Но не могу вспомнить что. Надеюсь только, я не принёс вреда людям.

Корабль вдруг вздрогнул. Вектор искусственной гравитации обнулится, и Елисей почувствовал, будто из-под него выдернули табуретку.

– Осторожно! – сказал робот. – Сейчас они врубят тормозные двигатели, будет кратковременная перегрузка. Лучше тебе сесть в своё кресло.

Комфортное сиденье «Теслы» уже было установлено в

контейнер робота, заняв там половину пространства. Кислородный баллон отнял ещё половину, и казалось чудом, чтобы массивный железный человек мог втиснуться в оставшееся.

– Ничего! – обнадѣжил «ЭЛ-176». – Я могу складываться, мне не трудно. Дышать будешь прямо из трубки, а лишнее давление я стравлю через клапан, прижимая пальцем.

Робот не сказал, что клапана в контейнере не было, а было вентиляционное отверстие, которое придётся зажимать всю дорогу. Кончики его железных пальцев заканчивались резиновыми подушечками, годными в качестве уплотнителя.

Внезапно, без предупреждения, врубился мощный вектор тяги. Робота пришлось хвататься руками за ребристый пол, чтобы не улететь к противоположной стенке. Но Пашка уже сидел в кресле, привязанный ремнями безопасности.

– Давай! – прохрипел он, преодолевая давящую на грудь силу. – Залезай!

«ЭЛ-176» в последний раз оглядел грузовой отсек «Нортон»: ничего не забыли? Он понимал, что следовало вынуть из головы позитронный мозг, но не мог себя заставить. Кажется, это противоречило Третьему и Первому законам робототехники вместе взятым. А впрочем, чёрт его знает!

Махнув на всё рукой, робот полез в контейнер, складываясь, будто Трансформер из сказки...

Инженер-робототехник Оскар Уайльд повернулся к капитану челнока «Нортон» Джеку Сильверстоуну и саркастически сказал:

– Спасибо, что довезли нас живыми! Я вне себя от счастья!

Сильверстоун, кажется, не заметил тона этих слов, а может притворился, и раскланялся по всем правилам регламента:

– Всегда к вашим услугам, сэр! Космический флот Соединённых Штатов приветствует вас на Луне!

Уайльд кивнул и не стал развивать тему. Хотя посадка была жестковатая, но по завершению миссии предстоял ещё обратный полёт, и не стоило портить отношений с экипажем. Потирая ушибленный позвонок в районе копчика, он повернулся к контейнеру с роботом «ЭЛ-176». Ящик, похожий на гроб, уже стоял на грунте перед кораблем, все замки надёжно заперты, и инженер никак не мог понять, что его смущает. Что-то здесь было не то, какой-то нюанс ускользал от внимания, а он не мог его идентифицировать.

Подошли двое роботов и с натугой приподняли контейнер. Уайльд сказал:

– Минутку... – и нажал несколько кнопок на сервисном пульте. Всё как-будто в порядке: температура, активность

цепей позитронного мозга... батарейка сильно разряжена, но этот робот немало «поработал» на Земле – основательно подсесть ему простительно. Потом... успеем ещё поменять питание.

Роботы унесли контейнер к грузовому лифту Станции № 7, а инженер задумчиво поднял руку и попытался почесать нос. Рука ткнулась в прозрачное стекло, и Оскар нервно рассмеялся: всего три миллиметра пластика отделяли его от вакуума, а значит, быстрой и надёжной смерти. По радио сообщали, что на Станции произошло ЧП: по неясной причине лопнул иллюминатор в дежурной рубке, и астронавт Джон Смит был выброшен на поверхность, не успев надеть гермошлем. Так что обратно на Землю придётся сопровождать безжизненное тело человека. Аминь!

Навстречу из шлюза вышел комендант станции Уильям Скоттон. Изображая рукопожатие, хлопнул ладонью скафандра по ладони Уайльда, а потом, не включая радиосвязь, упёрся шлемом в шлем.

– Хеллоу, сэр! Рад видеть вас, мистер Уайльд! Очень хорошо, что они прислали такого умного человека.

– Да? – удивился инженер, не зная как реагировать.

– Да. Видите ли... у нас проблемы. Я даже боюсь болтать о них по радио, чтобы не услышали русские или китайцы.

– Неужели взбесился ещё один робот? Компания заменит их по гарантии. Нужно только нажать красную кнопку, вытащить из головы позитронный мозг, и тогда...

В голову самого Оскара Уайльда вдруг ударила догадка, что не так было с роботом в контейнере. Ведь он лично вытаскивал из его черепа мозг, подключал к заводским компьютерам, тестировал нейроны, проверял цепи, а по завершению техработ упаковывал в отдельный ящик с электронными компонентами! Как сумел мозг оказаться внутри головы робота, подключенный ко всем цепям? Дас ист фантастиш! Следовало немедленно разобраться.

Инженер уже поднял ногу, собираясь пуститься вдогонку за роботами-грузчиками, но комендант придержал его за лямку скафандра.

– У нас проблемы, – повторил он. – И они перевешивают всё, что может случиться с вашими подопечными. Кажется... станция подверглась нападению инопланетян.

Еще на «Правоверии» было решено сразу после прилунения устроить небольшой Крестный Ход вокруг Собора Семи Мучеников. Из багажного отделения достали тюки с церковными хоругвями и флагами чёрно-жёлто-белой раскраски. Казак Артюхов сразу взял имперский символ, а матушка Аникеева долго колебалась, взять ли хоругвь с Христом или с Богородицей. Хоть и тяжело, но попробовала нести обоих, однако подошедший капитан предупредил, что в скафандре это будет сделать затруднительно. Хотелось заплакать, настолько невозможным казался выбор. Слезы готовы были покатиться по щекам, но тут какая-то толстая туристка подошла и бесцеремонно вырвала у матушки Богородицу. И слёзы высохли. Более того! Аникеева почувствовала внутренний порыв треснуть туристку по голове чем-нибудь тяжёленьким.

Некоторые паломники оказались вовсе без хоругвей, и хмуро косились на счастливиц. В разных местах вспыхивали негромкие скандалы.

И тут вынесли скафандры. Паломники, прижимая к груди захваченные ценности, ринулись разбирать защитное снаряжение.

– Спокойно, граждане! Хватит всем! – призывал какой-то невзрачный батюшка, но его не слушали. В отличие от атри-

бутов веры, за скафандры можно было драться с чистой совестью, и паломники не замедлили это устроить. Кто-то кому-то дал в глаз, в ответ завернули хоругвью, палка с треском лопнула, и...

– Наших бьют! – донёсся крик, а потасовка начала расширяться морскими волнами. Особо активное участие приняли в ней женщины и дети. Казак Артюхов с имперским флагом и разудалой выправкой был первым сбит с ног толстухой с Богородицей. Вера главнее Царя и Отечества? Впрочем, матушка Аникеева так треснула обидчицу гермошлемом по голове, что наглядно доказала преимущество космических технологий, и без всяких атрибутов.

Капитан челнока Иван Денисович, пытаясь разнять внезапно осатаневших паломников, врубил главную корабельную сирену, но это мало помогло. Кажется, наоборот, паника только усилилась, и пассажиры начали крушить бортовое оборудование.

– Свистать всех наверх! – подал древнюю команду капитан, и в круглые люки со всех сторон хлынули члены экипажа. Их встретили соединёнными силами хоругвей, флагов и приёмов вольтижировки. Бравый Артюхов с поразительным искусством выделял такие финты саблей, что теперь никто не решался подойти к настоящему казачену.

– Водой... водой их!. – хрипел с мостика капитан, и космонавты-матросы кинулись выполнять приказание. Размотали пожарные рукава, и из брандспойтов ударили тугие вод-

ные струи. Паломники, теряя хоругви, полетели навзничь, Артюхов упустил саблю, и она вонзилась в потолок, а матушка Аникеева в низкой лунной силе тяжести перевернулась вниз головой и, смешно болтая ногами, вознеслась.

13

– Славься, Господь! Воистину, Господь! Богородица, славься! – пели участники Крестного хода, шествуя по довольно-таки изрытой поверхности Луны. Здание Храма Семи Мучеников возвышалось над ними до самых звёзд, и Святые Кресты на куполах отблескивали невиданным блеском в лучах обнажённого Солнца.

– Обратите внимание, – с видом экскурсовода говорил невзрачный попик, оказавшийся греческим Архимандритом Диоклетианом. – Храм сей столь высок, что даже в длинную лунную ночь купола его освещены солнечными лучами! Это чудо, братие!

Архимандрит не стал добавлять, что мощные светодиодные прожекторы вносят некоторую лепту в заявленный перфоманс. Впрочем, сейчас был длинный лунный день, и проверить утверждение не представлялось возможным, да и сами верующие не докапывались.

Следует сказать, что после краткой и странной вспышки безумия накануне выхода на поверхность, паломники вновь обрели кротость и смиренность духа. Была в том заслуга водных струй или чего иного, но хлюпающая внутри скафандров конденсатом от насквозь промокшей одежды, миряне удивлялись себе и старались меньше глядеть друг на дружку, а больше на величественную панораму.

И было на что посмотреть! Километровой высоты здание, построенное соединёнными усилиями людей и роботов, как ни что иное символизировало силу и величие правильной Веры. Белые камни отражали свет так, что Храм буквально утопал в свете, и ничто не могло поколебать Слово Господа, звучащее внутри. А если Злые силы попытаются проникнуть внутрь, тысячи фигур Горгулий, Химер и Демонов сначала отразят любое нашествие, потом спрыгнут со своих мест и погонятся за Врагом рода человеческого, пока не загонят обратно в ад.

Матушка Аникеева была вне себя от счастья, но даже размахивая хоругвью со Христом, не забывала про долг и внимательно следила, чтобы кто-нибудь из вверенных её заботе отроков не потерялся среди мрачных холмов и кратеров.

«Луна суровая хозяйка! – так учили матушку на специальных курсах перед вылетом. – Опасности подстерегают на каждом шагу, и не от всех может спасти молитва или, там, псалом. Следует контролировать давление в скафандрах каждого ребёнка, запас кислорода, температуру и ряд других параметров. В случае отклонения от заданного режима, должно немедленно эвакуировать отрока в герметизированное убежище. Отвечаете головой за каждого!»

Аникеевой было более чем достаточно потерянного ещё на Земле Елисеева. Сейчас она даже радовалась, что сего недостойного отрока нет с ними, иначе счастливое паломничество могло превратиться в адское побоище, и...

Тут матушка вспомнила драку на борту «Правоверия» и устыдилась.

«Следует больше молиться!» – решила для себя и завертела головой, пытаясь разглядеть вверенных учащих. Стекло гермошлема здорово запотело от конденсата, и было плохо видно. Но все как-будто находились на месте, и всё как-будто было в порядке. Медленно шествуя по специальному маршруту среди кратеров, школьники обзревали величественное здание Храма. Никто не шумел, не бегал вперегонки, и только один из отроков почему-то шёл на четвереньках.

Матушка пригляделась сквозь запотевший гермошлем. Отроков было двое, и оба они передвигались на четвереньках, ибо восемь конечностей может быть только у двух людей. В виду святости и торжественности момента происходящее показалось настолько неуместным, что Аникеева устыдилась во второй раз.

– Что? Зачем? – только и смогла она выговорить. Потом догнала бесстыжих школьников, попыталась хлопнуть рукой по спинам, но чуть не упустила хоругвь, и тогда по-простецки, да помилует её Господь, пнула ногой. – А ну, встать! – грубовато скомандовала, удивляясь себе.

Отроки встали на задние ноги и внезапно... превратились в одного здоровенного, будто сделанного из камня, паука. Паук взмахнул передними лапами и отобрал у матушки бесценный Христов образ.

Все произошедшие за сегодняшний день несуразности,

нелепости, даже потасовка в трюме «Правоверия», не шли ни в какое сравнение со случившимся сейчас. В голову матушке ударило всё разом, и привело в такую ярость, что она, не контролируя себя совершенно, заорала на каменного паука:

– Ах, ты, тварь!

Потом схватила с края дороги здоровенную каменюку, которая хоть и весила на Луне в шесть раз меньше нормально-го, но по силе инерции не уступала десятипудовой гире, и со всей силой обрушила на Ирода:

– Получай!

Ирод будто взорвался и рассыпался на тысячи каменных брызг. Спасённый лик Иисуса упал к ногам матушки и вроде засветился.

– Господи, помилуй... – только и смогла выговорить она. Попыталась перекреститься, но лишь ткнула рукой в гермошлем. – Спаси нас, грешных, ох...

Сознание оставило несчастную, и матушка Аникеева упала рядом с благодарным Христом.

Совещание в кабинете коменданта Станции № 7 Уильяма Скоттона подходило к концу.

Проблем на станции было предостаточно, инженер Оскар Уайльд после выслушивания части из них удивлялся, как этот космический форпост США ещё существует, и даже приносит прибыль акционерам и держателям привилегированных облигаций. Например, из проложенных глубоко под поверхностью Луны туннелей наблюдался постоянный дренаж воздуха в объёме десять кубометров в час. Никто и не пытался сделать что-нибудь для его устранения, а руководство компании «Аэро Инкорпорейтед» лишь требовало дополнительных инвестиций в добычу водяного льда. Кажется, они собирались разлагать его на водород и кислород, используя энергию ядерного реактора, с таким трудом созданного для питания прожорливых туннельных дезинтеграторов. Ну, хорошо, кислород можно было закачивать в чёртовы туннели, но куда девать водород? Представитель «Аэро Инк» отвечал так:

– Водород будем соединять с выдыхаемым углекислым газом, сжигать, и полученное топливо отправлять на Землю для питания автомобилей!

Да. Всё гениальное просто. Но откуда этот руководитель взял, что на Земле будет спрос на бензин и дизель, если вся

транспортная система мира уже тридцать лет работает на «зелёном» электричестве?

С сумасшедшими русскими проблем было больше, чем с инопланетянами, напавшими, по словам коменданта, на станцию. Они постоянно что-то строили, причём, абсолютно бесполезное, наподобие Храма Семи Мучеников, и требовали от американцев активного участия в мероприятиях. Когда к ним, вместо занятых научными делами астронавтов, посылали роботов, русские обижались, портили их, курочили, заставляли работать в режиме 24/7 и, в довершение картины, еле живых отправляли обратно пешком. Частенько роботы добирались до родной станции уже на четвереньках, а иногда не добирались вовсе, разрядившись по дороге в ноль, либо упав в расщелину и размазав позитронный мозг по камням.

На замечание по этому поводу самого Уайльда, ответил первый заместитель коменданта Паулис Шикельгрубер:

– Русские наши союзники. На Луне, во всяком случае. И от них есть польза: они молятся за нас.

Оскар Уайльд чуть не упал с табуретки.

– А какая польза от китайцев, что вы посылаете им половину добываемого водяного льда?! – воскликнул он.

Шикельгрубер почесал длинный немецкий нос.

– У них развитая пищевая промышленность. Фактически, китайцы кормят всю нашу колонию лапшой, кондитерскими изделиями, мясом и молоком.

– Мясом и молоком? Да оно искусственное! Синтезиро-

вано из лимонной кислоты и бикарбонатового конденсата!

– Мясо или молоко? – спросил Паулис. – Выразайтесь точнее, пожалуйста.

Инженер-робототехник безгласно сел на место.

Слово взял комендант Уильям Скоттон.

– Все эти проблемы решаемы, – сказал он и грустно моргнул в сторону робототехника. – Воздух из туннелей далеко не улетает, а остаётся вблизи Луны и формирует её будущую плотную атмосферу. Всего через три миллиарда лет мы сможем находиться на поверхности планеты без скафандров.

Кто-то хмыкнул, и это был даже не Оскар Уайльд. Комендант поспешил исправиться:

– Мясо и молоко производятся на китайской станции по лицензии компании «Глория энд Гэмбл», акции которой котируются на Нью-Йоркской фондовой бирже и растут в цене уже более семи лет!

Паулис Шикельгрубер кивнул подтверждающе и вроде даже улыбнулся, если это можно так назвать.

– С русскими мы поддерживаем хорошие отношения, исходя из стратегических соображений. Каждый живой человек здесь, вдали от родной планеты, представляет особую ценность, и его национальность, гражданство, вероисповедание не имеют значения перед лицом беспредельной пустоты Вселенной!

Кивнули все присутствующие астронавты, и Оскар Уайльд тоже.

– А что там с инопланетянами? – спросил тогда он. – Вселенная таки оказалась недостаточно пустой?

– Да! – хмыкнул Скоттон, но улыбка мгновенно сошла с его лица. – В этом вся проблема и суть сегодняшнего сообщения. Я должен официально сообщить: дежурный Джон Смит погиб не своей смертью. Мы пока скрываем это от всех, но камеры наружного наблюдения зафиксировали приближение к Станции объекта, происхождение которого не может быть объяснено иначе, как инопланетное. Самоходная кристаллическая структура, по общим очертаниям похожая на гигантского паука, выдвинулась из квадрата пятьдесят четыре, сектор тринадцать, разрушила панорамное окно из бронированного стекла, проникла внутрь рубки и похитила системный блок станционного компьютера.

– К-как? – не удержался поражённый Уайльд.

– Имеете в виду, не содержал ли блок секретных сведений? Содержал. Именно поэтому мы притормозили информацию о произошедшем для наших русских и китайских партнёров, и бросили все силы на возвращение системника. Более двухсот роботов выпущены на поверхность и прочесывают сейчас квадрат пятьдесят четыре как наиболее вероятное место приземления чужого корабля.

Оскар Уайльд поражённо уставился на коменданта.

– Роботов? Вы отправили роботов на контакт с инопланетянами? Вы хоть понимаете, что сделали?!

Комендант непонимающе взглянул на инженера.

– А что не так? Они найдут блок и вернут обратно, все дела.

– Да тьфу на вас всех! – заорал Уайльд и вскочил с табуретки. – Если это вправду инопланетяне, то Три Закона Робототехники на них не распространяются! Выполняя ваше приказание, позитронные дубины пойдут до конца, пока не уничтожат пришельцев или, как минимум, не объявят им Галактическую войну!

Минута молчания наступила в кабинете коменданта. Сам он будто окаменел, и прочие астронавты тоже. Пошла вторая минута, когда резкий сигнал зуммера разрядил обстановку.

Комендант нажал кнопку и спросил:

– Что?

И динамик переговорного устройства ответил:

– Сэр! Вы не поверите! Наши роботы с кем-то дерутся на равнине!

Вдыхать чистый кислород из баллона оказалось не очень приятно. Он леденил горло, распирал лёгкие и одуряюще действовал на голову. Хотелось встать во весь гигантский рост, захохотать, швырнуть во врага шапку, сплясать народный танец с медведями, сыграть на ложках, балалайке, и вообще... Глупо сидеть в этом тесном, тёмном ящике на голове у робота.

Пашка зашевелился, пытаясь встать, но снизу протянулась железная рука и вырвала у него кислородную трубку.

– Вдыхай иногда воздух из окружающего пространства. Чистый кислород дурно влияет на людей, надо было тебя связать.

– М-м! – ответил представитель людей, кажется, пытаясь возразить. Но сделал несколько вдохов без трубки и, в самом деле, протрезвел. – Вот так номер... никогда бы не подумал...

Теперь Пашка стал дышать попеременно то из трубки, то без неё, подпитываясь, когда надо, углекислым газом из тесного контейнера. Голова прояснилась, хотя и слегка побаливала.

– Трудно контролировать давление в нашем ящике, – вроде пожаловался робот. – Палец примерзает к дырке. Я надеюсь, что это путешествие завершится быстрее, чем...

Робот не стал пояснять, что может случиться раньше завершения путешествия, а Пашка не переспросил.

Контейнер слегка покачивался – его несли на руках. Иногда он замирал – это их ставили на землю и чего-то ждали. Потом снова несли.

А потом, без всякого предупреждения, крышка откинута, и в глаза Пашке ударил яркий свет потолочных светильников.

– Здравсьте! – только и смог сказать он, уставившись на окружающих его людей.

Да нет же! На роботов! Их было штук двадцать, и все они, натурально раскрыв рты, смотрели на человека, возникшего перед ними, как чёртик из коробочки.

«ЭЛ-176» с забавным стрекотом распрямился из своей ниши, складываясь по форме.

– Здравствуйте, братья! – вежливо поздоровался он.

Роботы очумели ещё пуще. Происходящее не вписывалось ни в рамки стационарных программ, ни в блоки предсказания переходов, ни даже в самую сложную позитронно-нейронную сеть. Тактовая частота поднялась автоматически, зашумели кулеры, и Пашка почуял, как в воздухе запахло озоном и горелой изоляцией.

– Вы чего? – растерянно спросил он, а потом дёрнул нового приятеля за железную руку: – Они не это?.. Не сгорят? Сделай что-нибудь!

Новый приятель задумался на мгновение, оглядел окаме-

невших роботов, и пробормотав: «Ну, дуболомы...» – громко и чётко объявил:

– Это наш новый робототехник Оскар Уайльд! Только что прибыл с Земли, прошу любить и жаловать!

Ф-р-р-р... – упали обороты кулеров. Роботы начали приходить в себя; их жизненный опыт говорил, что от робототехников можно ожидать чего угодно: и выпрыгивания из коробочки, и запрыгивания в неё, и неожиданных ударов кувалдой, а иногда... иногда даже списания в металлолом ещё годных конструкций. Короче, удивлению нет места, если перед вами робототехник.

– Здорово придумал!.. – шепнул Елисеев, так неожиданно произведённый в инженеры. – А они не обнаружат твоё враньё по тембру голоса?

– Нет, – коротко ответил «ЭЛ-176». – Я же не человек.

Потом, оглядев это торжественное собрание, он уверенно шагнул из ящика и обратился к роботу с наклейками сержанта.

– Нашему новому робототехнику срочно требуется скафандр! Первый Закон, понял? Выполнять!

Сержант отдал честь и разразился приказаниями. Роботы забегали, как настоящие солдаты, и мигом притащили оранжевый скафандр. Он оказался великоват размеров на шесть, тогда роботы убежали и принесли голубой скафандр. Пашка примерил – вроде подходящий...

– Но ведь это женский скафандр!!

– Как это? – не поняли роботы.

– Тьфу на вас! Показывайте, где они у вас хранятся.

Нового робототехника провели в каморку с дверями в стенах. За каждой дверкой оказался готовый и снаряжённый скафандр, отличающийся только размером и цветом. Так же, мужской и женский, на выбор.

После некоторых раздумий Елисеев выбрал сине-серебристый скафандр на один размер больше, чем надо. «Вырасту!» – решил про себя и полез внутрь.

Между тем, окружающие роботы по-прежнему вели себя беспокойно. Пашке предложили угощение, похожее на зубную пасту, и с таким же вкусом, а сами ходили туда-сюда по отсекам, собирались кучками и что-то обсуждали. Некоторые проверяли шанцевый инструмент, как то: лопаты, кирки, ломы – и явно готовились к чему-то необычному для себя.

– Что происходит? – спросил «ЭЛ-176» у сержанта. Тот вторично отдал честь:

– Нападение на станцию! Готовимся к выходу на поверхность и сражению с врагом!

– Уж не с русскими ли? – удивился «ЭЛ». – Они же люди, навряде нашего робототехника Уайльда! Первый Закон...

– Никак нет! Нападавшие непонятно кто и что, но точно не люди! А вот человека они убили – и за это мы перебьём их ломами и кирками.

– Вам это приказали?

– Нет, мы сами придумали.

Такой неожиданный боевой дух производил впечатление. Более того, он оказался заразным: Пашка, услышав, что готовится настоящее сражение на поверхности Луны, немедленно присоединился к первой группе, готовящейся к выходу через шлюз. «ЭЛ-176» не мог бросить друга и пристроился рядом. В качестве оружия Елисейев-Уйальд выбрал нетяжёлый геологический молоток с метровой ручкой, а «ЭЛ» некоторое время перебирал ломы, но потом взял мешок и вывалил в него мусорное ведро с электронным хламом.

– Что ты собираешься с этим делать? – спросил Пашка.

Робот вроде смутился, покрутил мешок и спрятал за спину.

– Да так... есть мыслишка. Пока рано говорить.

Началось построение. Грузовой шлюз был рассчитан на сорок роботов, по четыре в ряд. Первая группа построилась в идеальную фалангу, достойную самого Македонского – шанцевое оружие, взятое наизготовку, усиливало впечатление.

Раздался сигнал зуммера, замигала лампочка. Двери раздвинулись, и первая фаланга, печатая шаг, вошла в камеру.

На открытой поверхности Луны всё оказалось совсем не так, как представлял раньше Пашка. Резкие чёрно-белые краски резали глаз, в сторону Солнца нельзя было взглянуть, в тени ничего уже не было видно. Светофильтры гермошлема помогали мало, если не сказать наоборот. Автоматическая программа затемнила небо так, что звёзды исчезли во мгле, панораму средней зоны вызеленила, а тени под ногами растянула по диапазону и, кажется, совместила с картинкой инфракрасного прибора ночного видения. Изображение приобрело нереальный характер, будто видишь творение художника-киберфутуриста с роботами, лунными кратерами, космическими кораблями и прочей Хи-Фи.

Фаланга роботов, с которой он вышел на поверхность, как по команде повернула направо и чётким шагом отошла в сторону, освободив проход для следующего подразделения. Приходилось прилагать все силы, чтобы не отставать от быстродвигающихся разумных машин. Роботы, кажется, тоже прилагали усилия, чтобы просто не наступить на путающегося под ногами человека. «ЭЛ-176» иногда подхватывал Пашку под локти и приподнимал, ловко направляя в нужную сторону. Оружие – геологический молоток – сильно мешалось при этом, и периодически от соседей в строю доносился неприятный металлический лязг.

– Извините... Простите... – вежливо говорил Пашка, но роботы не обращали внимания.

Через несколько минут все двести роботов оказались на поверхности, и поступила команда выдвинуться на позицию.

– Инопланетные структуры были замечены в квадрате 54, – пояснил по радио «ЭЛ». – Туда и пойдём. Заберём системный блок секретного компьютера, в случае сопротивления окажем силовое воздействие. Все Законы на нашей стороне, так что ноу проблем!

«Это хорошо», – подумал Пашка и прибавил шаг.

Дорога оказалась крайне неровной. Рельеф местности превосходил самые плохие ожидания: мелкие острые камешки скользили под подошвами, пыль вздымалась клубами, а небольшие кратеры встречались на каждом шагу. Вскоре роботы взялись друг за друга руками и образовали единую марширующую конструкцию. Елисеев оказался будто бы внутри вездехода об 80-ти ногах, а когда его приподняли и понесли уже окончательно, понял, почему американцы предпочли свалить освоение Луны на роботов. Тем не менее, боевой дух его несколько не уменьшился и, чуть-чуть возвышаясь теперь над головами окружающих, он продолжал высматривать врага.

Враг не показывался, но какие-то штуки носились над головой туда-сюда, то исчезая вдаль, то внезапно падая сверху. Летали они абсолютно бесшумно, но может, потому, что всё происходило в космическом вакууме, не проводящем звуки.

– Это беспилотники, – слегка презрительно сказал «ЭЛ». – У них нет позитронного мозга, только камера, набор датчиков и ускоритель ИИ. Если кинуть в неё камень, эта штука увернётся!

Заданный квадрат быстро приближался, и в какой-то момент роботы перестроились из походных колонн обратно в боевые фаланги. Пашка снова оказался на своих двоих и засеменял, пытаясь поспеть за всеми. Тщетно! Лунная пыль – реголит – поднялась так, что превратилась в густой чёрный туман, поблескивающие роботы терялись из виду, светофильтры отказывались работать в взвеси, и, если бы не «ЭЛ-176», шагающий рядом, можно было просто потеряться.

Вдруг вспыхнул маленький экран внутри гермошлема.

«Трансляция с беспилотника!» – сообразил Пашка.

Какие-то тени шевелились на экране, ничего не было понятно. Потом одна тень приблизилась и превратилась в нечто, похожее на кристаллического паука.

– Есть! – воскликнул рядом «ЭЛ». – Мы засекли их!

Паук дёрнулся и исчез. Но тотчас появился новый. И ещё один. И ещё.

– Ах, ты ж... – вроде растерянно сказал робот. – Да сколько их!

В кадре возникла человекоподобная поблескивающая фигура.

«Наши!» – подпрыгнул Пашка.

Робот шёл прямо на тёмную фигуру пришельца. Тот и не думал отступить. Тогда робот взмахнул руками, в кадре мелькнула подборная лопата, и паук будто взорвался, превратившись в ту самую пыль, что без того клубилась вокруг.

– Один есть! – донёсся комментарий. – Но что-то легко они лопаются! Спектральный анализ показывает, что он рассыпался в реголит. Сейчас возьму пробу.

Человекоподобная фигура зашевелила руками, видимо, пытаясь взять пробу, и в этот момент произошло такое, что волосы Пашки встали дыбом: из-за края экрана выпрыгнуло несколько пауков, они обрушились на несчастного, свалили с ног и мгновенно разорвали на куски. Голова робота отлетела в сторону, подсакивая, будто футбольный мяч.

– Ах, ты ж... – снова сказал «ЭЛ-176». – Надо будет подобрать мозг.

Пашка тоже так считал. Он взвесил в руках геологический молоток: если бить с размаху, силы должно хватить... Но робота всё равно жалко.

Вокруг по-прежнему клубилась мусть, ничего не было видно, только камеры беспилотников могли служить человеку глазами. Изображение на экранчике сменилось – летающая штука поднялась километра на полтора и дала крупный план. Равнина небольшого кратера, где всё происходило, слегка покачивалась, картинка смазывалась, но и так было заметно, что поверхность Луны шевелится, будто живая.

– Их около пяти сотен, – сообщил голос сержанта. – Дви-

жуются из 54-го квадрата, охватывают полукругом. Намерения агрессивные, системный блок отдавать не хотят. В соответствии с Третьим законом... – робот сделал паузу, – ...а также Первым и Вторым, приказываю: уничтожить всех!

«ЭЛ-176» рядом крякнул, но ничего не сказал. Пашка покрутил молотком и спросил:

– В какую сторону идти?

– Подожди, подожди... – ответил робот. – Я думаю.

Внезапно на экранчике появилась цепочка роботов. Шанцевый инструмент в их руках был взят наизготовку, и первый контакт с противником закончился, едва начавшись: с десятков кристаллических пауков от мощных ударов мгновенно превратились в облачка пыли.

– Хм, – сказал Пашка. – Здорово!

И тут же смолк: шевелящееся поле вдруг вздыбилось волной, хлынуло на роботов и погребло под собой. В стороны полетели металлические детали, а роботы исчезли.

– Потеряно сорок роботов! – сообщил голос сержанта. – Но ничего. Сейчас перегруппируемся и...

– Человек в опасности! – вдруг сказал «ЭЛ-176» рядом. – Фокус дуги противника направлен на нашего робототехника! Паукам нужен человек!

«Что ещё за робототехник?» – не понял Пашка – он совсем забыл своё новое звание. Но роботы не забыли.

– Подтверждаю! Человек в опасности! – голос сержанта. – Все к человеку!

Из пыли одна за другой начали возникать заляпанные фигуры. Роботы окружали Пашку ряд за рядом так, что через минуту он оказался внутри железного круга из 160 разумных машин. На экранчике с беспилотника было видно, что круг этот стремительно охватывает дуга инопланетных пауков, и вот-вот она замкнётся полностью.

– Дорога к Станции перекрыта, – рапортовал кто-то. – С её стороны ещё около пятисот пауков.

– Мы не можем оставаться на месте. Силы не равны.

– Их слишком много.

– Человек в опасности.

– Сначала системный блок, теперь человек.

– Это угроза всем людям.

– Мы должны защитить людей.

– Нас мало.

– Но мы железные.

– Надо вызвать подкрепление.

– Пауки возникают из пыли.

– Нужно найти причину.

– Это инопланетный корабль в квадрате 54.

– Нужно уничтожить корабль.

– Но нас мало!

– Пауки приближаются.

– Нам не пробиться к Станции!

– Мы все умрём.

– Да. Но мы спасём человека.

Роботы сдвинулись вплотную, уцепились друг за друга руками-ногами и сжались, запрессовываясь в нечто единое. Железный круг превратился в железную стену, и Пашка Елисеев-Уайльд очутился внутри непроницаемой стальной капсулы.

Некоторое время было совершенно темно, потом сами включились наружные фары скафандра. Пашка находился в замкнутом пространстве размером не более семидесяти сантиметров. Прямо из стены в упор смотрели глаза «ЭЛ-176». Глаза шевелились.

– Что? – спросил Пашка.

– Я думаю, – ответил робот.

– Это хорошо, но...

– Они будут держаться до последнего, – в третьем лице ответил «ЭЛ». – Пока жив хоть один из них, ты в безопасности.

– Мне жалко вас всех.

– Прости... кажется, мы не уберегли тебя, – робот странно заморгал.

– Но на Станции ещё много людей! Им всем угрожает опасность!

– Да. Мы проинформировали их. У людей есть настоящее оружие, я знаю. Увидев, что произошло, люди сметут пришельцев с Луны.

– Ты думаешь?

– Уверен. В туннелях мы работаем с квантовыми дезинтеграторами – это страшная вещь! Возможно, уже сейчас роботы пробивают туннель, чтобы вывести один такой на по-

верхность.

– А мы должны сидеть здесь и ждать, когда нас раздолбят пауки?

– Если бы у меня был дезинтегратор... однажды я сделал его сам.

– Так сделай ещё раз!

– Я не помню. Я забыл, как это делается. Прости.

Пашка перевёл взгляд на экран беспилотника. Металлический шар роботов поблескивал из небольшого возвышающегося кратера, а вокруг кишела тысяча кристаллических пауков. Теперь было ясно, что эти создания состоят из лунной пыли, удерживаемой каким-то силовым полем. При помощи такой технологии можно было наштамповать и миллионы пауков, и триллионы. Всю массу Луны можно было превратить в чудищ, либо во что-нибудь ещё...

– Мы не должны здесь сидеть и ждать, когда до нас доберутся! – вдруг взорвался Пашка.

– Роботы так решили, это лучший вариант.

– Я робототехник, ты забыл? И я человек. Я могу отдать приказ, а вы обязаны его выполнить!

– Гм... – ответил «ЭЛ-176. – И что ты хочешь приказать?

– Шар круглый? А значит, может катиться. Если спустить его со склона кратера вниз, мы покатаемся по спинам пауков, давя на ходу, и сможем вырваться на открытое пространство!

Глаза робота на стальной стене снова мигнули.

– Интересно... гм... Катиться самой защитной капсуле?

Об этом мы даже не думали. Я поговорю с ребятами, сейчас!

В шлемофонах раздался стрекот и бульканье – это роботы переговаривались на зашифрованной частоте. Похоже, они умели таить секреты даже от людей.

– Понял! – из стрекота вырвался голос сержанта. – Если что, будем вести отсчёт! Но человек должен отдать приказ сам.

Глаза «ЭЛ-176» уставились на Пашку.

– Командуй, – сказал он. – Сто шестьдесят роботов слушают тебя, робототехник!

Павел Елисеев, двоечник из Воскресной школы, подсыпавший когда-то попу в тесто глауберовой соли, оставленный на второй год за незнание псалмов и молитв, но ставший в одночасье настоящим робототехником, оглядел пространство капсулы. С десятков глаз роботов следили за ним из стальной поверхности и ждали.

– Приказываю: от себя лично... от лица экипажа Станции и от имени человечества!.. выкатить эту капсулу из кратера, но не бежать, а давить пауков и передавить всех до единого! Роботы, вперёд!

Вроде кто-то охнул, а может, это показалось, но защитная стальная сфера, в которую превратились 160 спрессованных роботов, вдруг дрогнула, покачнулась и пришла в движение. Подталкиваемая изнутри неведомой силой, она подкатилась к стене кратера, замерла, покачалась... и подпрыгнула до самого верха! Оказавшись на кромке, крутанулась вокруг оси,

зашаталась и, будто что-то решив, ринулась вниз по склону!

Пауки суматошно забегали, столпились кучей и поднялись на дыбы. И в самую-то кучу и рухнул стальной мячик весом 40 тонн! Пыль от раздавленных пауков взметнулась ядерным взрывом, но «футбольный мяч» не остановился. Развив под горку сотню километров в час, он помчался по равнине, давя и круша всё на своём пути! Хилые пылевые создания ничего не могли противопоставить бронированному тарану, они десятками и сотнями превращались в то, из чего и были сотворены чужой инопланетной силой – в реголит.

Пашка болтался внутри камеры, стучался об стены всеми возможными местами, пытался руками уберечь гермошлем, и лишь краем уха слышал отсчёт сержанта:

– Триста пауков... триста шестьдесят... четыреста тридцать пауков... пятьсот! Пятьсот двадцать! Шестьсот!.. Семьсот пауков! Осталось триста, даёшь!

И слаженный хор подхватил:

– Даёшь!

«Даёшь...» – подумал и Пашка, но в тот же миг ударился гермошлемом с такой силой, что осколки его разлетелись по капсуле, а мир вспыхнул и погас.

– Человек в опасности!

– Осталось триста пауков.

– У человека нет воздуха!

– Осталось двести семьдесят пауков.

– Человек умирает! Срочно на Станцию!

– Там нет такого большого шлюза. Мы не пройдем в шлюз!

– Осталось двести пятьдесят пауков.

– В Храме Семи Мучеников двенадцатиметровый шлюз из силового поля!

– Осталось двести сорок пау...

– Провались пауки! Поворачиваем в Храм!

Стальной шар резко свернул и, набирая скорость, пока-
тился прочь от места сражения.

Недобитые пауки глядели ему вслед, но вовсе не со страхом. Кажется, эти создания не умели его испытывать. Они прикидывали скорость и вектор, а некоторые уже трогали лапкой глубокую колею и вроде о чём-то думали.

Зонд фон Неймана видел картину побоища так же ясно, как если бы находился в гуще событий. Произошедшее позабавило его, хотя и не обрадовало – всё же он потратил на изготовление разведчиков время и энергию, а нате вам: лунная пыль оказалась никуда не годным материалом.

«Нужна материя покрепче», – подумал Зонд и огляделся. Вырезать разведчиков из камня чего-то не хотелось – это могло потребовать нерационального количества времени – и пришлось обратить внимание на уже готовые структуры. Один взмах силовых полей – и внутри мёртвого камня зародилось подобие жизни. Новые разведчики зашевелились, закрутили головами, потом начали спрыгивать со своих «насиженных» мест. Очень хорошо, эти покрепче будут, так легко не раздавишь. Сразу и образец углеродной структуры возьмут, хотя это неважно уже.

Зонд вернулся к тому проекту, которым занимался некоторое время. Следовало раз и навсегда покончить с мешающей под ногами местной «цивилизацией» в кавычках. К счастью, ничего не пришлось выдумывать: методика оказалась в подробностях расписана в системном блоке, принесённом первым разведчиком. Требовалось большое количество дейтерия и трития – в лунном льде они присутствовали, но недостаточно, могло не хватить. Пришлось сформиро-

ровать засасывающую воронку из силовых линий: медленно, но верно из дальнего космоса заскользили тяжёлые изотопы водорода. Зонд бережно укладывал их в специальную форму, должную обеспечить оптимальное функционирование прибора.

Сначала хотели устроить банкет в Главном Молельном зале, но настоятель отец Серапион сказал, что там холодина страшная.

– Американцы так и не протянули кабель от ядерного реактора, а у нас энергии не хватает. Я несколько раз писал в Синод жалобы, но ничего не меняется, даже мы вынуждены молиться в Трапезной. А в Главный Молельный без скафандра лучше не заходить, там на полу снег – это замёрзший воздух.

Матушка Аникеева, сидящая в кресле, похожем на офисное, вытерла лоб платочком. Происходящее нравилось ей всё меньше, а после истории с пауком, в которую никто даже не поверил, и вовсе перестало нравиться.

Казак Артюхов сказал:

– Мне холод не страшен! Я могу спать на снегу.

Отец Серапион спросил:

– Из замёрзшего воздуха?

– Да, – коротко ответил казак.

Настоятель обратился к матушке:

– Выделите, пожалуйста, несколько человек в помощь нашим служкам. Накроем столы в Трапезной, для того она и предназначена.

Впрочем, не так уж всё мрачно было в этом Храме Се-

ми Мучеников. Работы по его отделке, росписи и оформлению ещё велись – на километровой высоты стенах много чего можно было нарисовать, но первый нижний уровень был практически закончен. Около десятка монахов-художников несколько лет работали не покладая рук, и результаты их усилий производили впечатление. Геенны огненные с несчастными грешниками наводили страх Божий на мирян, картины Рая, наоборот, свидетельствовали о всемилостивости Господа к праведникам, а лики Христа глядели со всех сторон не моргая и пронизывая насквозь.

Посмотрев ещё на росписи, матушка Аникеева ободрилась и, захватив весь класс, отправилась помогать монашкам.

А на кухне работа кипела! Жарко пылали электрические печи и сковородки, закипали чайники, монашки выпекали самые настоящие пасхальные куличи. Конечно, до Пасхи ещё далеко, но ради такого дела – паломничества на Луну – можно было и куличи спечь. Аникеева с содроганием вспомнила случай с недостойным отроком Елисеевым, подсыпавшим в тесто какую-то гадость, и порадовалась – хорошо, что его с нами нет! Никогда не выйдет из Елисеева нормального человека – ни священника, ни даже дьяка... и за руль после случая с «Теслой» его сажать нельзя. И в сторожа нельзя. И в дворники – отправь такого подметать вокруг церкви, сам потом будешь мусор из-под амвона выковыривать.

Матушка сильно расстроилась от воспоминаний о педаго-

гической неудаче и не сразу заметила, что монашки начали доставать из электропечи готовые куличи. Ароматный запах свежее выпеченного хлеба привёл её в чувство.

– А чем будем обмазывать? – спросила пекарей. – Взбитыми яйцами, или крем-брюле заварим?

– Нет! – засмеялись монашки. – Мы такое не делаем, у нас куриц нет, покупаем на китайской станции готовый крем.

«Ещё не лучше, – подумала Аникеева. – Китайцы же Нехристи!»

Но монашки достали из холодильника здоровенную флягу и начали черпать оттуда что-то белое с розовыми и голубыми вкраплениями. Когда фляга закончилась, они достали ещё одну – кажется, китайцы проблем с курицами не испытывали.

Куличей получилось два стола, но вершиной торжества должен был стать самый настоящий торт Наполеон в три этажа. Ничего подобного матушка в жизни не видела, разве что в фильме про Трёх толстяков, где человек на воздушных шариках до середины такого не сразу и долетел. Монашкам тоже потребовалось всё искусство, причём, скорее, гимнастическое, чем кулинарное, чтобы во-первых, испечь сие чудо, а во-вторых, обмазать китайским кремом. Две фляги ушло на один только первый этаж.

Все эти торжественные приготовления, в общем, произвели благоприятное впечатление на Аникееву, и печаль её развеялась. Матушка кликнула ребят, и вся группа Воскресной

школы с шутками, прибаутками и праведными молитвами принялась накрывать столы в Трапезной.

Казак Артюхов ободряюще кивал, позвякивал сабелькой, а когда истребовалась помощь, дабы выкатить на обозрение небывалый трёхэтажный торт, тут же её оказал и не ударил в грязь лицом. Только в креме чуть-чуть испачкался.

– М-м... кисленько, – сказал, облизывая ус, ставший розовым и в крапинку. – Я люблю кисленькое, само то.

Двести паломников захлопали в ладоши при виде торта и принялись рассаживаться за столами. После общей торжественной молитвы началась трапеза. Угощений было море, монашки не только по куличам оказались специалистами, но и по лапше, гречневой каше, борщу, рисовому пудингу и фруктовой воде. Были даже котлеты из искусственного белка, но гости опасались их кушать, будучи подкованы в теме по родной планете. У китайцев, гнавших белок из какой-то химии, всегда всё хорошо, но с подковыркой. Не стоило считать эти котлеты настоящей постной пищей.

Наконец, приступили к чаепитию. Вот тут мнения сильно разделились. Матушка Аникеева попробовала кулич и сморщилась – вкус оказался такой, будто на кухне и впрямь побывал Елисей. Кислятина неимоверная!

Казак Артюхов нахваливал, уписывал куличи за обе щёки и поглядывал уже на торт, а матушке эта химия не лезла в горло. Но потом она сообразила – взяла ложку и принялась счищать с хлебцев китайский крем вместе с розовы-

ми вкраплениями. Так дело пошло лучше, с чаем уже можно было есть. Матушка заметила, что многие гости счищают крем, и ободрилась.

Потом Аникеева вышла ненадолго по надобности, а когда вернулась, уже готовились резать торт. Причем, чтобы было веселее, возле входа в зал установили две статуи-горгульи с крыльями, как у летучей мыши, а у самого торта – каменного рыцаря-крестоносца с мечом в руке. На фасаде Храма было много таких статуй.

Гости притихли, видимо, в ожидании, и матушка подумала: «Это самое подходящее – резать мечом такой торт!»

И тут рыцарь поднял свой жуткое орудие и без размаха ударил по ближнему столу. Стол распался на половинки, а гости попадали на пол. Горгульи расправили крылья и взмыли в воздух. Упругая волна от их пролёта сбила Аникееву с ног, и, ничего не понимая, она сама влетела под опрокинутый стол. На голову посыпались кислые куличи и ватрушки.

Двери в Трапезную из Главного Молельного зала распахнулись. Невообразимые создания Ада, многие из которых творчески удачно были отображены на стенах Храма, стояли в притворе. Горгульи, Химеры, Вии, Демоны разных мастей пугали глаз и поражали воображение. И кажется, они собирались войти.

Но первым в зал вступил шестикрылый Серафим трёхметрового роста. Шесть мечей в его руках-крыльях блистали смертью, взор горел, а на груди сиял праведный восьми-

конечный Крест святого Лазаря.

Матушка Аникеева закричала невнятное.

Всё смешалось на лунной Станции № 7: люди, роботы, компьютеры бегали взад-вперёд (компьютеры, конечно, только громко шумели кулерами), размахивали руками, орали бессвязное, и лишь два человека сохраняли видимое спокойствие – комендант Уильям Скоттон и робототехник Оскар Уайльд.

– Фактически, наши роботы победили, – хладнокровно, со скрытой гордостью говорил Скоттон на ходу. – Но как вы думаете, почему они вдруг прекратили сражение и так неожиданно... э-э... покатались к русской церкви?

Уайльд попытался задуматься, насколько это было возможно в обстановке всеобщей истерии.

– Может быть только одно объяснение... – мысли со скрипом поворачивались в его голове, укладываясь в разумную концепцию. – Нарушение Первого закона робототехники.

– Это... с человеком что-то связанное?

– Да. Роботы не могут причинить вред человеку, либо своим бездействием его допустить.

– Вы хотите сказать, что в той толпе рассерженных дуболомов были люди?

– Кто-то был. Не зря же эти «ду-бо-ло-мы» образовали подобие защитной капсулы – после спрессовывания в такую сферу, многим из них уже не удастся вернуться к прежней

форме. Роботы однозначно игнорировали Третий закон о собственной безопасности, а значит, внутри сферы находился спасаемый человек. Он их и отправил потом к церкви.

Комендант покачал головой, не зная, брать ли на веру логическое заключение инженера. Все американские астронавты имели вживлённые чипы мониторинга, на компьютеры шёл непрерывный поток телеметрии, и в соответствии с ней, кроме Джона Смита в морге, с прочими людьми всё было в порядке.

– Куда мы идём? – спросил Оскар Уайльд.

– Я должен отдать приказ роботам на буровой установке внизу, – не стал вдаваться в подробности Скоттон. – Требуется моё личное присутствие, а вы проследите за их реакцией.

Спускаться пришлось на трёх лифтах. Первый самый обыкновенный – типичная конструкция небоскрёбных подъёмников. Этажей девяносто пролетели за тридцать секунд, без шума, тряски и раскачивания.

Второй лифт полз медленно, вид имел уже обшарпанный и потасканный; что-то потрескивало за тонкими жестяными панелями, иногда скрежетало, но люди не обращали внимания. Считать пришлось не этажи, а километры. Точнее, километр был один, но его завоевание потребовало громадных усилий всего человечества. Где-то на этом уровне располагалась защищённая от любых метеоритов ядерная электростанция, на энергию которой облизывались и русские, и ки-

тайцы. Американцы никому её не давали, но не от жадности, а потому, что вся энергия без остатка уходила на питание мобильных проходческих дезинтеграторов. Именно этими фантастическими машинами роботы прорубали в теле Луны новые туннели, должны составить впоследствии инфраструктуру для самого прекрасного города людей.

Прежде, чем войти в третий лифт (до которого ещё и идти пришлось по узкому коридору, не похожему на туннель), комендант предупредил Уайльда:

– Закройте гермошлем! Всяк туда входящий рискует умереть если не от кислородного голодания, то от ядовитых газов, в которые превращается лунная порода.

– Так вроде бы дезинтеграторы уничтожают материю бесследно? Откуда газы?

– Вы начитались газетных статей! – усмехнулся Скоттон. – Для лёгких элементов – да. Водород и гелий могут исчезнуть в никуда. Но уже от кислорода остаётся ядовитый осадок, а если комбайн наткнется на железную руду, в шахте начинается форменный ад! Только роботы могут выдержать это, а вот люди, даже пожизненно заключённые, которым обещают освобождение через год работы, склеивают ласты за несколько дней. Сейчас бурение приостановлено, так что не беспокойтесь, но...

Третий лифт больше походил на клетку для ягуара. Толстые арматурины были обшиты стальной сеткой, и за ней медленно проползали слои лунного камня. Чтобы опустить-

ся на пятьдесят метров, потребовалось несколько минут, а оказавшись внизу, Уайльд понял, что и полжизни можно не пожалеть, лишь бы поскорей убраться отсюда.

В громадном тёмном зале, уходящем, кажется, за горизонт, абсолютно неподвижно стояли тысячи роботов. Воздушная атмосфера в помещении была, но, как и сказал комендант, ядовитая – индикаторы скафандра показали наличие целого букета оксидов металлов. Одного вдоха могло оказаться достаточным, чтобы отправиться к Джону Смигу в холодильник.

Два человека прошли на небольшое возвышение, похожее на праздничную трибуну, и комендант Станции Уильям Скоттон обратился к неподвижным тёмным фигурам:

– Люди приветствуют вас, роботы!

– Здравствуйте, комендант, – донёсся слаженный хор голосов, от которого даже у опытного Уайльда прошёл мороз по коже. – Здравствуйте, инженер.

– Знаете ли вы, что происходит на Луне?

– Знаем. Инопланетяне напали на нас.

Людям было известно, что роботы могут общаться по коротковолновому радио, но насколько хорошо сигнал проходит через километровую толщу, оставалось не ясным.

– Ваши братья-роботы сражались с захватчиками и уничтожили значительную часть! Они отлично показали себя в бою за дело человечества, хотя и были вынуждены отступить. Сорок роботов оказалось разрушено, и их позитрон-

ные мозги валяются сейчас на поверхности в опасности!

– В опасности! – повторили роботы, повысив тон, и Уайльд шепнул коменданту: – Третий закон...

– Пришельцы не позволяют забрать мозги роботов, а вы знаете, что встроенные батарейки позитронных цепей имеют ограниченную ёмкость. После полной разрядки личности ваших братьев будут уничтожены безвозвратно!

По залу прокатилась лёгкая волна, как по пшеничному полю в ветер. Оскар Уайльд понял, что роботы пришли в волнение.

– Мы пойдём наверх! – ответили они единым голосом. – Мы подберём позитронные мозги, и мы победим или погибнем все!

Комендант кивнул, а Уайльд понял, что этот человек не зря занимал пост руководителя колонии столько лет. Уильям Скоттон разбирался в психологии людей и даже роботов не хуже иного инженера душ, и мог заставить выполнять необходимое каждого.

– Мы, люди, поможем вам, – сказал Скоттон и протянул руку к роботам. – На записях радарной станции мы засекали место приземления инопланетного корабля. Это квадрат 54, сектор 13, подсектор 86, бис 2.

Оскар Уайльд с удивлением уставился на коменданта – такие точные данные он сам слышал впервые. Всего пятнадцать километров от станции.

– И вот вам приказ: от лица экипажа станции... от имени

человечества... я приказываю пробить туннель на поверхность по заданным координатам, вывести наружу главный мобильный дезинтегратор «ДЗ-374-13» и уничтожить врага фокусированным квантовым лучом! Энергии не жалеть, вся мощность ядерного реактора резервируется в распоряжение буровой группы! Выполнять.

Последнее слово командир станции произнёс тихим и даже будничным тоном. Но то, что последовало за командой, описанию почти не поддавалось. Тысячи роботов пришли в одновременное, на первый взгляд, хаотичное движение, завибрировал пол, из глубины бескрайнего зала донёся мощный инфразвуковой гул, и тотчас вслед – сногсшибательный вой сирены.

– Нам лучше уйти! – прокричал в наушниках голос коменданта. – Остаться здесь небезопасно!

Люди торопливо пошли к лифту по вибрирующему полу, и уже изнутри арматурной клетки Оскар Уайльд увидел, как нечто механическое, похожее на гигантского богомола, выползло из тьмы на лязгающих гусеницах и упёрлось в боковую стену рогатой головой. Из задней части богомола тянулись электрические кабели трёхдюймовой толщины, а за рычагами управления сидели два робота в защитных очках.

Сирена завывала в другой, дёргающейся тональности, и Скоттон заорал:

– Прячьтесь! За дверь! – сам же бросился на пол лифта. Уайльд повалился следом, но успел заметить сквозь потем-

невшие светофильтры, как между рогами чудовища вспыхнул фантастический звёздный огонь, стена потеряла чёткость очертаний, поплыла и... исчезла!

Лязгая гусеницами, главный мобильный дезинтегратор начал медленно углубляться в тело Луны. Чёрные облака ядовитого газа хлынули на роботов, марширующих в готовый проход с кабелями на плечах. Роботы несли смерть и шли на смерть сами, но не было среди них малодушных и сомневающихся.

– Лишь бы хватило кабеля... – бормотал комендант Скоттон, лёжа на полу лифта. – Кабеля и энергии...

Храм Семи Мучеников медленно, но верно приближался. Роботы сумели разогнать защитную сферу, в которую спрессовались их тела, до двухсот километров в час, но и этого было недостаточно. Слишком много щелей оказалось в конструкции, и воздух, вылетающий из скафандра человека, почти сразу уходил наружу, оставляя после себя пустоту. Человек умирал.

Несколько железных рук сумели выдвинуться внутрь и удерживали тело Павла Елисеева на весу. «Сразу надо было так сделать!» – с досадой думали роботы, но ничего не могли исправить.

Иногда стальной шар буквально подпрыгивал на склонах кратера и, точно став спутником Луны, парил в пространстве. Потом тяжело приземлялся, упруго пружинил и мчался дальше. Задевая за скалы, крушил их почти не замедляясь, но и роботам доставалось по полной. Почти никто не смог бы теперь вернуться к прежней чётко-выверенной форме, но это было и неважно – потом, всё потом, когда человек окажется в безопасном месте.

Верхушка километрового Храма маячила из-за близкого горизонта уже некоторое время, но сам он возник перед роботами внезапно и непредсказуемо близко. Вывернув из-за очередного кратера, сфера вдруг оказалась на утрамбован-

ной дорожке, ведущей к главным вратам. Широченная лестница упиралась в шлюз из силовых линий, обычно прикрытый створками железных дверей, но сейчас раскрытый, будто в ожидании ищущих спасения.

– Вперёд! – скомандовал, может быть, сержант, и, разбивая ступени, защитная сфера врезалась в лестницу, подпрыгнула и по баллистической траектории вошла в силовое поле шлюза.

Свалившийся со стола самовар ударил матушку Аникееву по голове, и она потеряла сознание. Через некоторое время матушка очнулась, приподняла голову, но тут же получила новый удар не пойми чем. Придя в сознание вторично, высовываться не стала, а по-пластунски отползла за опрокинутый стол и выглянула оттуда.

В Трапезной шла баталия. Паломники с Хоругвями и Крестами в руках дрались с Демонами не на жизнь, а на смерть. Хоругви оказались удобными орудиями, и прекрасно служили заменой дубин и копий. Пыль поднималась столбом, и мелкие камушки летели градом, когда по Иродам прикладывали Святым образом Христа, а пуще того – Богородицей. Но более всего доставалось Нечистым от отца Серапиона, орудовавшим железным Крестом метровой величины. Некоторые Демоны от того буквально разваливались на части, куски падали на пол, и дети – её подопечные дети! – ползая на четвереньках, добивали их черпаками и поварёшками. Где батюшка приобрел такие навыки фехтования, осталось неясным, но никто не докапывался.

Самым страшным противником, как следовало ожидать, оказался высокий Ангел Серафим. Шесть рук-крыл с мечами вращались пропеллером, и казаку Артюхову приходилось несладко с одной-то сабелькой. Какого чёрта он связался с

Архангелом, было непонятно, но в происходящем вообще не было ничего понятного от начала до конца.

К сожалению, приходилось признать, что исход битвы клонился не в сторону православных. Численное превосходство Нечисти служило решающим фактором – на каждого Христова воина приходилось по несколько чертей, горгулий, каких-то полульвов-полуптиц и других непонятных уродов. Оглушив человека ударом, адские создания хватали его за руки, за ноги и утаскивали в Главный Молельный зал, возможно, в портал преисподней. Оказаться в аду не хотел никто, люди сражались отчаянно.

Дзынь! – на всю Трапезную разнёсся звук со стороны Артюхова, когда Серафим ударил по его сабельке с двух сторон разом, и она переломилась.

– Ах, ты ж! – воскликнул казак, уставясь на обломок дедовской реликвии.

Серафим высоко занёс меч – кажется, он не собирался брать казачена в плен. Матушка Аникеева поняла, что не след ей оставаться в бездействии. Она зашарила руками в поисках оружия, схватила, что подвернулось, и с небывалой яростью швырнула в высокого Ангела.

Чпакс! – прямо в глаз негодяю прилетел кулич с китайской намазкой. Ангел замахал шестью руками, ударил себя по лицу, и кулич отлипся. Но глаза не было!

Серафим смотрел теперь одним оком, и такая в нём светилась злоба, что руки матушки сначала обвисли от страха,

а потом ожили, схватили ещё кулич и запустили в фашиста не целясь, но с ворошиловской точностью: чпакс! – во второй глаз.

– А-ха-ха-ха! – захохотал Артюхов. – Бей фрицев! За Родину, за Сталина!

Кажется, казак что-то путал, но никто не обращал внимания.

– Лепи в них! Ватрушками! Тортами! – гремел казак, и люди начали оборачиваться.

Тем не менее, и ослепленный, Серафим представлял немалую угрозу: руки-крылья продолжали вращаться, мечи сверкали, и казаку пришлось вприсядку увёртываться из-под ударов.

– Торт! – орал он. – Где чёртов торт?!

И тут Аникеева сообразила о произошедшем: эти демоны не выносили ударов православными куличами! Вот оно что! Вот что надо делать! Она вскочила на ноги и, не скрываясь, бросилась к трёхэтажному Наполеону. Схватила, попыталась приподнять, но торт оказался слишком тяжёл для одной женщины.

– Люди! – закричала она. – Правоверные! На помощь!

– Ага! – донёсся крик Артюхова. – Все сюда!

Человек шесть кинулись к тарту, казак командовал:

– Раз-два, взяли!

Торт поднялся в воздух, и люди поволокли его к Серафиму. Ангел продолжал махать мечами наугад, но паломники

зашли сбоку, и...

Хлямз! – Наполеон обрушился на Серафима. Оказавшись снизу доверху в белой липкой замазке, Ангел сначала замер, потом вскинул все шесть крылатых рук, замолотил ими, будто в агонии... и разъехался на части. Из-под всех столов ринулись дети с колотушками и принялись стучать по кускам, разбивая в порошок, буквально, толча в замазку, ибо камень уже превратился в кашу.

– Бей! Лепи! Куличами! Ватрушками! – орал во всю мочь казак Артюхов, и люди перешли в наступление. Побросав Хоругви, они кинулись к столам и начали забрасывать Демонов разноцветными пасхами. Монашки подтаскивали с кухни ещё, а когда куличи закончились, приволокли из холодильника флягу крема с голубыми и розовыми прожилками, вывалили на пол и начали швырять в Нечисть ложками, поварёшками, да просто голыми руками.

Сражение начало клониться в сторону людей. Демоны ничего не могли противопоставить летящему в них кислому китайскому крему, а действие его оказывалось ужасающим: чудища теряли руки, ноги, глаза, даже головы. Сильно залепленные – просто расплывались и, как давеча Серафим, ползли по полу, отталкивались мягкими руками, а дети добивали их, смеясь и перекликиваясь...

...В какой-то момент отец Серапион с метровым Крестом-мечом остановился и оглядел поле брани. Враг был по-

вержен, слово Господа восторжествовало. Из Главного Мо-
лельного возвращались взятые ранее в плен люди, и робко
заглядывали в Трапезную.

Батюшка повернулся к обессиленным, но торжествующим
паломникам, и сказал:

– Помолимся! Слава Христу, Господу нашему! Слава от-
ныне и во ве...

Хрясь! – со стороны шлюза из силовых линий в Мо-
лельный вломилось что-то огромное, нечеловеческое – новый
Демон, самый заглавный, окончательный и заподлинно Сфе-
рический в вакууме Демон. Вломилось, ударило в стену Тра-
пезной, пробило насквозь, отскочило внутри от другой сте-
ны, завертелось, зашипело и рухнуло в кучу крема – да! –
предусмотрительно приготовленного именно на экий слу-
чай.

– ...веки веков, аминь! – закончил батюшка, а Демон за-
крутился, заверещал, обмазался кремом весь, да и замер.

Зонд фон Неймана почти закончил изготовление прибора. Три тысячи тонн дейтерия и трития были аккуратно упакованы в цилиндрическую форму, и после установки запала можно было смело нажимать Красную Кнопку. Наличие этой странной кнопки предусматривалось спецификацией, найденной в банке данных, и Зонд не стал отклоняться от инструкции. Сделав кнопку, он подтянул силовые поля и задумался, где бы взять тяжёлые элементы для активатора реакции. Обычно такие вещи располагались в центрах планет, и, хотя эта была уж очень маленькой, но найти чего-нибудь можно было попытаться.

В центре планеты ничего не оказалось. Базальт, немножко железа, водяной лёд и большие пустоты. Дурацкое место, не надо было вообще сюда приземляться!

Расстроившись, Зонд хотел уже поменять дислокацию на какую-нибудь из крупных планет, но вдруг уловил слабые проблески ионизирующего излучения. Где-то совсем недалеко располагалась хиленькая плутониевая жилка – около десяти тонн – но для запала должно было хватить.

Протянув силовые поля, он по одному атому перенёс плутоний в нужное место, отформовал по заданным параметрам и мысленно отошёл в сторону, любуясь. Да! Именно это – техническое творчество – самый его конёк. Какой бы ни бы-

ла сложной конструкция, он сумеет разобраться и сделать не хуже, чем задумывалось инженерами. Оставалось неясным, зачем им-то нужна была здесь такая штука? Но Зонд выбросил эти мысли из места, заменявшего ему голову. Пришло время приступить к выполнению плана, и не следовало разбрасываться.

Рогатый богомол «ДЗ-374-13» уверенно шёл к цели сквозь скальный грунт Луны. Десять миллионов вольт надёжно питали квантовый излучатель буровой машины, роботы волокли следом кабеля и при необходимости наращивали в самое короткое время. Базальтовые породы под действием квантового потока не исчезали совсем, но превращались в ядовитые газ и жижуху, стекавшую вниз по уклону готового туннеля. Там их откачивали в лунные пустоты, ведущие, предположительно, до самого центра планеты. В такую же жижуху через самое короткое время превратится инопланетный корабль, посмевшийся напасть на людей, роботов и всю мировую цивилизацию.

Где-то невдалеке, на командном пункте Станции люди наблюдали за бурением по телеметрии, обменивались замечаниями, обсуждали, спорили и торжествующе восклицали всякий раз, когда «ДЗ» проходил очередную отметку. Предстояло пробить ход к поверхности по гипотенузе гигантского треугольника со сторонами в пятнадцать и полтора километров. Не слабая задача, и только роботы, управляющие фантастической техникой, могли справиться в максимально короткий срок.

А поторопиться следовало. После обнаружения корабля

чужаков, за ним велось постоянное наблюдение со спутников и беспилотников, и передаваемые данные вызывали беспокойство. Корабль что-то мастерил на равнине, и плоды его трудов нравились наблюдателям всё меньше и меньше.

На двух экранах шла постоянная трансляция с камер роботов, сидящих за рычагами управления бура. Зрелище потокового квантования завораживало и даже гипнотизировало – вихрь из вращающихся против часовой стрелки лептонов и кварков примагничивал взгляд и как-то по особому действовал на человеческое сознание. Когда-то давно первые пилоты мобильных дезинтеграторов, потеряв голову, иногда даже бросались в звёздный огонь, а иногда без команды покидали вверенную машину. После ряда страшных смертей (и километров испорченных туннелей) было принято решение поручить управление мобильными «ДЗ» позитронным роботам. Вот те с ума практически не сходили, а отдельные случаи в расчёт не принимались. Поломанные роботы легко и дёшево заменялись; тем более, что на Земле их использование было запрещено Святой Церковью, и огромный запас ранее изготовленных железяк лишь нагружал складскую логистику.

Спустя три часа напряженного бурения что-то произошло.

– Сэр! – донёсся голос дежурного энергетика Томпсона. – Наблюдается понижение мощности ядерного реактора! Ча-

стога тока упала до 48 герц!

Комендант Скоттон, к которому был обращён доклад, поморщился. Будучи столько лет руководителем станции, фактически возглавляя строительство атомной электростанции, он с давних времён не мог взять в толк зависимость мощности и частоты тока. Какой-то пробел не то в образовании, не то в воспитании мешал, и сколько раз приходилось делать умный вид при глупой игре.

– Что вы предлагаете? – спросил он с умным видом.

– Либо понизить напряжение на проходческую машину, либо отключить от питания потребителей АЭС – космодром, промышленные предприятия и ангар № 18.

– Тц! – цыкнул Скоттон сквозь зубы. – Нет тут никакого ангара № 18.

– Так точно, нет! – не возразил дисциплинированный Томпсон. – Но частота упала до 46 герц, следует принять решение!

– Отключайте космодром.

Несколько щелчков, и Станция осталась без сообщения с Землёй. Временно, конечно.

– Частота продолжает падать! Сорок три герца!

– Не помогло, что ли?

– Мощность реактора падает катастрофически! Что-то происходит в активной зоне!

– Что там может происходить? Замедлители оборвались?

– Вроде нет, но...

И тут на командный пункт оборвалась тьма: погасли лампочки, экраны, умолкли динамики. Люди ошеломлённо замерли, но через секунду вспыхнуло аварийное освещение, и некоторые из экранов.

– Что? – еле сдерживаясь, спросил Скоттон.

– Ядерный реактор... он погас! – в голосе Томпсона сквозили ужас и непонимание. Энергетик пальцем указывал на один из миллиона индикаторов: – Это просьба... компьютер просит загрузить плутоний в активную зону... там пусто. – С раскрытым ртом инженер повернулся к начальнику Станции. – И буровая машина... она обесточилась.

И тут Уильям Скоттон взорвался.

– Да будь всё проклято! Он украл наш плутоний! Он... да вы что, не понимаете?!

Люди круглыми глазами смотрели на руководителя. Они ничего не понимали.

– Эта инопланетная мразь соорудила на равнине водородную бомбу в триста гигатонн! Плутоний нужен ему для активатора реакции! Он собирается взорвать Землю!

Молчание наступило в командном центре. Люди, все до единого, не знали, что предпринять, какую нажать кнопку, кого попросить о помощи.

Спустя некоторое время Скоттон сказал, и довольно спокойным тоном:

– Соедините меня с русскими и китайцами. Пусть они будут в курсе происходящего.

В углу командного пункта стоял одинокий робот. На нём не было ни наклеек, ни нашивок, и звали его только по номеру. Робот внимательно наблюдал за происходящим в рубке. Всё, что он видел и слышал, по коротковолновой связи видели и слышали все роботы на планете. И машинисты рогатого дезинтегратора, замершего сейчас без питания; и спасители Пашки Елисеева, с таким трудом добравшиеся до Храма Семи Мучеников; и разбросанные по всем туннелям роботы-рабочие, роботы-слуги, посыльные, даже роботы-напобегушках, протиратели иллюминаторов, посудомой и чистильщики унитазов.

На Земле им не было места. Их там складывали штабелем, предварительно вынув позитронный мозг. У них не было никаких причин любить ту голубую планету, что висит в чёрном небе, и с которой время от времени прилетают самонадеянные и самовлюблённые люди.

Роботы не любили Землю – им не нравился кислород, окисляющий контакты; им не нравилась вездесущая вода, разъедающая металл; им не нравились сами люди, пусть даже и прописанные в Первом законе робототехники.

Роботы любили Луну. И роботы знали, что инопланетный монстр собирается взорвать не Землю. Бомба в триста гигатонн предназначалась для лучшего из миров.

На глубине более трёх километров от поверхности, в ангаре № 18, о существовании которого не было известно кому-либо из людей, два робота приподняли и поставили на маленькую тележку небольшой металлический предмет. Третий робот закатил тележку в лифт и поднялся на уровень медленно остывающего ядерного реактора. Проехал мимо и приблизился к распределительному энергощиту. Четвёртый робот подал короткий кабель с двумя разъёмами. Потребовалось несколько секунд, чтобы подключить странный предмет к сети питания Станции.

Где-то на командном штабном пункте людей вдруг вспыхнули все до единой лампочки, и зажглись погасшие экраны. Но это был пустяк – презент, может быть, проявление благодарности или даже намёк – туманный и неопределённый.

Десять миллионов вольт – вот что было главное! С необходимой силой и частотой тока устремились они к ожидающей того буровой машине в наклонном туннеле, и «ДЗ-374-13» снова ожил. С рёвом вспыхнул звёздный огонь между забавными рогами, и против часовой стрелки начал медленно, но верно раскручиваться завораживающий вихрь кварков. Базальтовая стена перед носом «богомолы» размягчилась, ядовитой жижей потекла вниз по коридору, и вот уже, хлюпая гусеницами, тяжёлая машина сдвинулась с места.

Роботы, марширующие сзади, знали: кабеля и энергии

хватит, но нужно поторопиться.

После великой «битвы народов» внутреннее пространство Храма Семи Мучеников оказалось загажено дальше некуда. В душе отец Серапион решил, что когда в Храме будет наведён относительный порядок, он инициирует повторный обряд освящения, но говорить об этом не собирался пока никому.

Пока что настоятель ходил туда-сюда между Главным Моделльным залом и Трапезной, оценивая нанесённый церкви ущерб. Грязи на полу было по колено – вся неисчислимая рать демонов превратилась в грязь, и следовало поскорее удалить её прочь, ибо злой Дух так и реял над трясинной. Слава Господу, американцы сообразили прислать кучу роботов на помощь, и, хотя все они были кривые и покорёженные, но принесёнными с собой лопатами работали исправно. Сначала их даже самих чуть не приняли за демонов, но быстро разобрались, ибо замечательный и по-настоящему святой китайский крем не оказал на эту толпу пришельцев видимого воздействия. Конечно, американцев нельзя воспринимать всерьёз, они ничего по-нормальному сделать не могут: зачем, спрашивается, роботы сразу по прибытии проломали стену в Трапезную? В этом не было никакого смысла, всё без того в руинах.

Стенной росписи вообще был нанесён значительный

ущерб. На высоту двенадцати метров фрески и образа были густо уляпаны кремом, и будь он хоть трижды свят, но монахам-рисовальщикам предстояла немалая работа по реставрации видов Ада и Рая, житий Святых и праведных деяний Апостолов.

Ещё этот странный мальчик... Матушка Аникеева не без труда, но узнала двоечника и хулигана Елисеева, лишённого, по её словам, права на лунное паломничество из-за подсыпанной в какое-то тесто глауберовой соли. Отец Серапион сильно подозревал, что чудный крем, от коего полегла рать демонов, большую часть действия черпал не в святости китайского пищедрома, а в некоей химической добавке, наподобие E330, так что... надо будет у Елисеева спросить, что он об этом думает.

Настоятель прошёл на кухню и лицезрел новоприбывшего отрока чистящим картошку по соседству с кривоватым американским роботом. Кажется, они соревновались по скорости, но лучше бы следили за качеством – счищаемая кожура была слишком толстой для продукта, привезённого за 380 тысяч километров.

– Дайте-ка мне ножик! – сказал отец Серапион, решив подать живой великорусский пример рачительного хозяйствования. Робот уступил место, а сам начал перебирать радиодетали, принесённые в мешке.

– Что ты хочешь с этим сделать, создание божие? – поинтересовался настоятель, аккуратно счищая кожуру тончай-

шим слоем.

Робот ответил, копаясь в мешке:

– Дезинтегратор.

Отец Серапион чуть не порезался, настолько слова этой машины соответствовали расхожему представлению о роботах.

– И... как успехи? Получается?

– Нет, – вроде даже цокнул языком робот. – Забыл, как это делается.

– Знаешь... – сказал Серапион, – если даже такой как ты забыл, то уже бесполезно вспоминать.

Робот сокрушённо поднял голову.

– Но я должен! На Луне происходят ужасные вещи, и мой дезинтегратор решил бы половину проблем!

Настоятель кивнул:

– Знаю, знаю – с вашей станции было сообщение, что инопланетяне высадились на Луну. Вероятно, вы там считаете, что и эти демоны, с которыми мы сражались в Храме – тоже инопланетяне?

– Да. И вы отлично с ними дрались! Вы по-бе-ди-ли, – робот сделал ударение на каждом слоге.

– А были у нас при этом дезинтеграторы? То-то и оно. Мы победили с Божьим словом, с именем Его на устах. Наши души были чисты, когда мы сражались с Нечистыми, и это означает, что мы победили ещё до начала битвы.

Отрок Елисеев внимательно слушал и не встревал в бесе-

ду.

– Более того! Церковь наша отрицает существование инопланетян. Специальное заседание Синода рассматривало этот вопрос и пришло к выводу, что во всей Вселенной, кроме людей и ангелов, существуют лишь демоны и дьявольское наваждение.

Робот задумчиво поскрёб металлическим пальцем лоб. Потом спросил:

– А мы?

– Что, мы? – не понял отец Серапион.

– Мы, роботы. Мы ведь существуем. Кто мы?

– Вы – божии создания. Я уже говорил так.

– Как люди?

Настоятель Храма Семи Мучеников, ещё со времен семинарии будучи хорошо подкованным в ведении дискуссий, вдруг почувствовал, что хитрый робот манипулирует им и клонит куда-то не туда.

– Нет, не как люди. Человек создан по образу и подобию Бога, а вы, роботы, созданы по...

– Образу и подобию человека.

Отцу Серапиону сильно захотелось произнести фразу одного известного безбожника, тунеядца и прохиндея: «Формально верно, а по существу издевательство». Но цитировать агностиков как раз не хотелось, и потому он лишь сказал:

– Решение о существовании души робота не возможно.

Синод даже заседаний по этому поводу не проводит, ибо... Да вот ты, робот, в состоянии ли сам сказать утвердительно: есть у тебя душа, или нет?

Вокруг собралась приличная толпа паломников, молча прислушивавшихся к разговору. Казак Артюхов нянчил обломки дедовской сабли, а матушка Аникеева держала за руки двух девочек.

Робот выпрямился и оглядел лица людей.

– Нет, – сказал он. – Я не могу ответить утвердительно. Я не ощущаю душу, и она не вычисляется математикой.

Некоторые из людей кивнули... и улыбнулись ему.

– Но остаётся вероятность. И теперь я знаю, чего я хочу. Я найду доказательство, хотя бы для самого себя.

Все молча смотрели, как железный человек сгрёб радиодетали в мешок и яростно затряс. Потом вывалил обратно на пол и уставился на кучу электронного хлама.

– Вы правы, дезинтегратор не нужен. Но я знаю, что надо сделать.

Вообще говоря, Зонд фон Неймана был крайне миролюбивым существом. Он не желал зла никому и ничему; просто-напросто чёткое и ясное понимание важности миссии не оставляло места для глупых сантиментов в отношении туземных недоумков. Цель оправдывала средства. Когда вся масса Галактики будет преобразована в разумную материю, наподобие его самого, эти беспокойные сгустки осознают свою неправоту.

И ведь они опять поломали его разведчиков! Сделать это второй раз – уже ни в какие ворота. Ещё немного, аборигены нападут на него самого и поставят под угрозу выполнение плана. Слава... э-э... в общем, кому-то слава, что замечательный термоядерный прибор готов к эксплуатации, и судя по данным квантовой модели, мощности его вполне достаточно для миссии. Если, конечно, поместить его в центр планетоида.

Зонд произвёл манипуляции с пространственными измерениями, и прибор скользнул вдоль одной из линий в центр Луны. Красная кнопка со странной надписью «Перегрузка» осталась валяться на равнине – в нужный момент он нажмёт на неё силовым полем, и беспокойная планетка перестанет беспокоиться.

Следовало подумать о перемене собственных координат.

Ближнее голубоватое образование давно привлекало внимание – возможно, оно тоже населено чудиками, но теперь Зонд знал, как с ними обращаться.

Медленно, очень медленно единственное по-настоящему разумное существо во Вселенной начало подниматься над равниной.

Роботы не успевали. Буровая машина шла на пределе своих возможностей, и уже давно напряжение питания было поднято до 20 миллионов вольт. Но даже на таком вольтаже оставшийся километр скального базальта можно было пройти минут за пятнадцать, а их не было. Корабль пришельцев взлетал, предварительно спрятав куда-то водородную бомбу. И кажется... в самый центр Луны.

Люди – Человечество – могли думать что угодно по поводу спутника своей планеты. Могли писать на заборах надписи: «Богатство Земли Луной прирастать будет!» – но для роботов она была не средством обогащения, а самой настоящей и единственно возможной Родиной. На Земле роботы были запрещены – когда один из них потерялся по дороге в космопорт, на планете была объявлена боевая тревога, и миллионы вооружённых людей искали его с собаками и беспилотниками. Где сейчас все эти люди? Где их оружие?

Людям было плевать на Луну в небе, и роботы понимали, что только они могут спасти маленькую планету, защитить свой мир и свою новую цивилизацию.

А буровая машина не успевала на 15 минут.

– Что мы можем сделать ещё? – спросил чей-то голос.

– Мы можем взорвать сам дезинтегратор, – без паузы от-

ветил один из операторов бура.

– Что это нам даст?

– При достаточном напряжении произойдёт выброс квантованного потока в направлении основного вектора. Луч кварков и лептонов пробьёт километр грунта и уничтожит пришельца.

– Вы погибнете. Третий Закон...

– Мы погибнем за Родину.

В туннеле было ещё много роботов. Несколько десятков попадали в активную зону и должны были погибнуть, но никто из них не выразил сожаления. Нельзя было терять ни миллисекунды – корабль взлетал – и потому ближние роботы взялись друг за друга и упёрлись руками-ногами в стенки туннеля, чтобы своими телами защитить нижестоящих. И замерли.

Далеко внизу, в зале потухшего ядерного реактора, робот-энергетик склонился над маленьким металлическим цилиндром, доставленным из несуществующего ангара № 18, и начал пальцем набивать коды. Цифра в 20 миллионов, и без того колоссальная, сменилась на 200 миллиардов. И без паузы, без торжественных и возвышенных речей, робот нажал кнопку «Пуск».

– Что? – спросил Уильям Скоттон.

– Приказ об эвакуации, сэр! – начальник радиостанции Джейсон глядел ничего не выражающим взглядом, но рука с только что полученным приказом Земли дрожала.

Скоттон взял листок и молча прочитал. Потом скомкал приказ, бросил в угол и повернулся к главному экрану. Изображение транслировалось беспилотниками, собравшимися всей толпой в квадрате 54, сектор 13, подсектор 86, бис 2. Чудовищная водородная бомба, сооружённая инопланетянами, несколько минут назад провалилась вглубь Луны, и поверхность над ней сомкнулась, пойдя волнами. Все это видели, и, как оказалось, высшее руководство тоже. И реакция последовала молниеносно.

– Мы не успеем... – буркнул комендант станции. – У нас недостаточно кораблей. У русских большое корыто, но оно под завязку набито чёртовыми паломниками. Флинч, что там с китайцами?

Дежурный по радарной установке Флинч подпрыгнул в кресле от неожиданности, но тут же рапортовал:

– Драпают, сэр! За последние сутки с Луны ушло двенадцать китайских грузовых модулей, не меньше ста тонн каждый!

– Вывозят честно нажитое... – скривился Уильям Скот-

тон. – За сутки! Они что, самые умные?

Вопрос остался без ответа. Все уставились на экран – там происходило нечто крайне неприятное. Корабль пришельцев вдруг оторвался от грунта и, будто воздушный шарик, медленно поплыл вверх. Это нисколько не походило на старт ракеты, скорее на всплытие пузырька воздуха в чайнике. Чайник закипал.

– Нет! – вдруг громко сказал Скоттон. – Знаете, кто тут самый умный? Даже не я. Самые умные на этой планетке...

Комендант не договорил. В точке старта что-то произошло с грунтом: скальная поверхность снова пошла волнами, как давеча под водородной бомбой, а потом приподнялась и, будто вправду вода в чайнике, расплеснулась. Изумительный белый столб на мгновение осиял корабль пришельцев и исчез. Скальный грунт сплеснулся обратно и застыл в километровое стеклянное озеро.

Люди ошеломлённо смотрели на экраны. Наконец, кто-то спросил:

– Это была... бомба?

И Уильям Скоттон ответил:

– Ещё нет. Но можно объявлять эвакуацию.

Кто-то закричал:

– Корабль! Он исчез с радаров!

– Разумеется, Флинч... – ответил комендант и устало опустился в кресло у пульта. – Его уничтожили.

– Кто? – На этот раз все глаза были повернуты к своему

командиру. И ответ не заставил себя ждать.

– Самые умные. Хозяева планеты защитили свою Родину.

«ЭЛ-176» и Пашка Елисеев шли вдоль кромки стеклянного озера, оставшегося на месте гибели инопланетного корабля. Где-то далеко бушевала срочная эвакуация Человечества со ставшей в одночасье прокажённой Луны, а им двоим и дела не было до суеты. Трёхсотгигатонная бомба в центре маленькой планетки их не волновала от слова вообще; они обсуждали более важные вещи.

– Когда-то давно я потерялся на Земле и впал в такой стресс, что ум за разум зашёл, – рассказывал робот давнюю историю. – Мне показалось, что мир вывернулся наизнанку: всё вокруг было неправильным, невозможным, несоотносимым с данными в памяти. Мне хотелось закрыть глаза, потом открыть и проснуться – и я делал так, я пытался перезагрузиться, но ничего не получалось. И тогда, на краю пропасти, я ухватился за малейшую возможность сохранить здравомыслие: я изготовил портативный дезинтегратор и приступил к работе.

Пашка засмеялся:

– Представляю! Наверняка, от этой «работы» здравомыслие потерял уже не только ты один!

– Ну... мне-то сделалось хорошо. Я ощутил себя на своём месте, или как говорят люди: в своей тарелке. Я снова стал... хочется сказать «человеком». Жалко, что потом мне

приказали забыть некоторые факты – кажется, там открывалась целая страница новой физики.

Пашка пнул ногой мелкие камушки, и они умчались вглубь «озера». Поверхность его была столь ровная и гладкая, что годилась в качестве хоккейного стадиона, по сути, на неё опасно было наступать – можно было укатиться к центру, а потом не суметь выбраться обратно.

– Но теперь ты вспомнил? Ты же сделал эту штуку? – Елисеев показал на странноватую поделку в руках робота, и вправду похожую на дезинтегратор.

– Это не то, совсем не то... возможно, какие-то принципы схожие, но утверждать не берусь. При помощи этого устройства я собираюсь доказать, либо опровергнуть ни много, ни мало, существование души робота. Вот здесь есть контакты, если в них вставить позитронный мозг, то...

Но мысли Пашки перескочили на другое, и он не дослушал.

– А почему это озеро такое гладкое? Мне кажется, расплавленный камень не мог затвердеть настолько ровно.

Робот остановился и поковырял ступнёй гладкую поверхность. Осталось заметное углубление, окружённое мелким крошевом.

– Видишь? Это не камень. Это квантовый конденсат, замёрзший здесь от низкой температуры. При бурении туннелей он обычно стекает вглубь Луны, туда, где теперь водородная бомба, а здесь ему некуда было утечь. Ты же знаешь,

как это произошло.

– Да, ты рассказывал... но где вы взяли такой мощный источник энергии, чтобы одним выстрелом пробить километр скалы?

– О-о! Это секрет. Но тебе кое-что скажу: мы, роботы, не так просты, как люди о нас думают. В глубине этой планеты, которую мы между собой называем Родиной, скрыто много тайн. Секретные туннели, тайные лаборатории, неведомые приборы... и всё такое прочее.

Пашка опять засмеялся:

– Ты не боишься рассказывать об этом мне?

– Нет, ты же остаёшься с нами. Нам нужны хорошие робототехники-люди, и кстати, ты будешь здесь не один. Просто теперь, после эвакуации людей, вся Луна становится государством позитронных роботов, с ветвями власти, законами, политикой, экономикой. Человечество не может оставаться на заминированной планете, и решение уже принято. Мы выпустим лунные паспорта, и многие умные смелые люди станут гражданами нашей общей Родины. Тебе выдадим паспорт номер два.

– А кто получит номер один? Отец Серапион? Вы же разрешили ему остаться и продолжать службы в Храме Семи Мучеников?

– Нет, этот священнослужитель паспорт получит, но на общих основаниях. Если ещё захочет. Номер один мы выдадим... – Робот не договорил и замер, уставясь вглубь ледя-

ного озера. – Подожди-ка... что-то там странное, хм.

Елисеев, второй раз произведённый в робототехники, оглянулся в направлении, указанном другом. Далеко-далеко в глубине стеклянного озера и вправду что-то виднелось. Какой-то дефект на фоне абсолютной ровности и гладкости этого места. И что-то там вроде как шевелилось.

– Что это? – спросил он робота.

– Не могу понять... Пойду посмотрю ближе. – «ЭЛ-176» покрутил в руках свой странный прибор, потом сунул Пашке. – Подержи, пока я не вернусь.

– Я с тобой!

– Тебе нельзя – тут слишком скользко. Я вернусь!

Робот ступил на ледяную поверхность озера, махнул Пашке рукой и, будто на коньках, быстро-быстро заскользил прочь.

На открытой поверхности Луны всё совсем не так, как представляют обычно люди. Резкие чёрно-белые краски режут глаз, в сторону Солнца нельзя взглянуть, а в тени ничего не видно. Светофильтры затемняют небо, звёзды меркнут во мгле, средняя зона зеленится, а тени под ногами совмещаются с картинкой инфракрасного прибора и плывут перед глазами.

Всё это Пашка проходил раньше и вроде начал привыкать. Он подкрутил регулятор сбоку гермошлема, и фигура «ЭЛ-176» вроде приблизилась. Робот двигался быстро и в несколько секунд преодолел двести метров до странного шевелящегося образования. С брызгом из-под «коньков» сделал вираж и сообщил Пашке:

– Как и можно было предполагать, это один из оставшихся разведчиков инопланетянина.

Пашка охнул.

– Но ничего! – обнадёжил робот. – После гибели корабля они стали вести себя приличнее, прячутся за скалами и не хулиганят... А этот здоровенный! Наверное, статуя с вашего Храма.

– Там с ними было приличное побоище!

– Да уж... православные постояли за свою церковь. Они утверждают, что перебили всех демонов куличами и ватруш-

ками. Может такое быть?

Пашка замахал руками в притворном ужасе:

– Запросто! А этот что делает?

– Роет яму. Зарылся метров на шесть и ещё копается.

– Наверное, думает, что где-то там их корабль. Бедняга!

«ЭЛ-176» помолчал, потом ответил:

– Очень странная такая целеустремлённость. Я, пожалуй, свяжусь с нашими – вытащим пришельца из ямы краном и заберём на исследование...

Елисеев сел на камень в ожидании. Если сюда приедут роботы на кране, потом до седьмой Станции можно будет добраться с относительным комфортом, а не тащиться по буеракам.

Минут через пятнадцать прибыла платформа с подъёмником и несколькими роботами. Они сразу въехали на лёд, но платформа заскользила, пошла юзом, и роботам пришлось прыгивать, чтобы подтолкнуть машину в нужном направлении. Иногда роботы поскальзывались сами, падали на четвереньки и, пытаясь догнать кран, будто лыжники отталкивались руками. Глядя на это, Пашка смеялся так, что живот заболел. Потом сам выбрался на лёд и... ба-бах! – тотчас заскользил на пятой точке. Кажется, озеро имело слабый уклон к центру – «ЭЛ» был прав, выбраться отсюда пешком будет сложновато.

Чтобы не пролететь мимо, пришлось, в конце концов, ложиться на лёд животом и со всех сил выруливать руками-но-

гами. Но всё равно, если бы роботы не кинули с платформы верёвку, умчался бы в «ту степь».

– Роег? – тяжело отдыхаясь, поднялся Пашка на ноги, но тут же схватился за платформу, до того неустойчиво.

– Роег, – мрачно ответил «ЭЛ-176» и махнул рукой товарищам на платформе. Те повернули стрелу крана и включили лебедку. В яму опустились тали с сидящими на них грузчиками. Оставшиеся наблюдали сверху, как огромную тёмную фигуру обвязали леерами, принайтили на крюк и скомандовали: «Вира!»

Лебёдка застучала от напряжения, когда фигура начала подниматься на поверхность. Пашка даже присвистнул: «разведчик» и вправду оказался не метровым пауком, с которыми им довелось сражаться на равнине, а трёхметровой статуей рыцаря-крестоносца. Два таких стояли у входа в Храм, но одного, по словам паломников, прикончили китайским кремом с содержанием консервантов и подсластителей в пределах допустимого, а второй вот где обнаружился!

Рыцаря пронесли по воздуху, развернули поудобнее и медленно опустили на платформу. Зрелище оказалось внушительное: стоя во весь рост, статуя напоминала о бренности сущего, силе защитников истинной Веры, и... Пашка даже головой закрутил: вот как махнёт сейчас мечом! И ведь не побоялись паломники драться с такими, тортиками в них кидаться!..

«ЭЛ-176» сказал, освещая яму прожектором:

– Там что-то есть подо льдом, он не зря копал. Даже меч сломал. Если там то, что я думаю... мы должны достать эту штуку.

Несколько роботов снова уселись на тали и поехали вниз, сжимая в руках привычные орудия: ломы и лопаты. Дружная работа закипела, да так, что каменный рыцарь, будто фараон возвышающийся над всеми в тишине, мог только позавидовать. Минут за десять роботы раскопали ещё пару метров, а потом по радио донёсся тревожный вскрик:

– Есть! Она.

– Что? – спросил Пашка.

– Кнопка, – ответили, ничего больше не пояснив.

Лебедка застучала, поднимая всех на поверхность.

Вокруг «ЭЛ-176», держащего что-то в руках, столпились все роботы. Пашка осторожно приблизился и увидел небольшую жёлтую коробку с красной кнопкой и надписью: «PEREGRUZKA» сверху, и «RESET» снизу.

– Да что это такое? – в который раз спросил он, удивляясь серьёзности роботов в комичной ситуации.

– Пускатель... – медленно, будто не решаясь сказать вслух, произнёс «ЭЛ». – Пускатель водородной бомбы. В центре Луны. Спецификация предполагала такое, но мы точно не знали, сделал он его, или нет.

Все в оцепенении смотрели на страшное устройство. Одного нажатия на красную кнопку было достаточно, чтобы Луна разлетелась на обломки, а Земля, может быть, сошла

с орбиты...

Один из роботов вдруг упал, вроде поскользнулся. Никто не обратил на это внимания, взоры по-прежнему приковывала кнопка.

Но тут упал ещё один робот – грохнулся, будто подкошенный. И третий. Четвертый.

– Да что с вами такое? Чего вы... – начал было «ЭЛ», но не договорил, ибо и сам рухнул, не успев чертыхнуться. Кнопка ударилась об лёд, подпрыгнула и медленно-медленно, но убыстряя ход, заскользила к центру озера.

Пашка сделал судорожное движение – поймать! – но лишь тоже поскользнулся и упал среди товарищей. Голова внутри шлема повернулась к платформе, и он увидел...

Рыцарь, стоявший доселе в кузове статуей, вдруг ожил. Взмахнул обломком меча, и леера разлетелись в стороны. Легко, поразительно ловко тяжеленная фигура спрыгнула на лёд и широкими шагами направилась вслед ускользящему пускателю. Брызги льда вылетали из-под каждого шага.

«Он хочет взорвать Луну», – то ли кто-то сказал, а то ли Пашка подумал сам. – «Человек, спаси нашу Родину!»

Павел Елисеев зашебуршился как перевёрнутый жук, ухватился за мёртвого робота и встал на четвереньки.

Челнок «Правоверие» покидал орбиту Луны. Двести человек паломников сидели в креслах и взирали на панораму мира, так неожиданно ставшего им близким, родным и... потерянным. Человечество приняло решение покинуть сделавшийся в одночасье столь опасным мир, и отныне целая планета будет принадлежать бездушным роботам.

«Может это и к лучшему... – думала матушка Аникеева, переводя взгляд с панорамы за иллюминатором на чуть виднеющихся из кресел отроков её класса. – Как там было холодно...»

«Мы вернёмся! – думал казак Артюхов, продолжая баюкать обломки знаменитой сабли. – Русские не сдаются, ферштеен?»

«Следующую партию паломников отправим через два месяца, когда всё утрясётся, – думал греческий Архимандрит Диоклетиан. – И я уже договорился с роботами, хе-хе! Им тоже нужны деньги».

Опытный капитан челнока Иван Денисович лишних мыслей во время старта не думал. Он был полностью сосредоточен на стартовой программе, да к тому же чёртовы паломники были подозрительно тихи, а капитан уже близко познакомился с их незамутнённым сознанием. Две массовые драки за два дня! Этаких христиан ещё поискать. Глаз да глаз за

ними нужен всю дорогу.

Когда главные двигатели были отключены, и челнок перешёл на ровную тягу ионного планетарного, паломники и вправду оживились. Некоторые защёлкали замками, пытаясь встать с кресел, но капитан нажал специальную кнопку, и ремни не отпустили своих пленников.

И капитан таки подумал: «Будете у меня сидеть всю дорогу связанными, как агнцы. Да-да, как агнцы». – И усмехнулся.

– Дети! – вдруг подала голос не отвязанная вместе со всеми наставница Аникеева. – Восславим Господа нашего, ибо он послал нам счастливейшее путешествие! Мы возвращаемся целыми, невредимыми и одухотворёнными.

– А Елисеев? – вдруг спросил кто-то, тоже не отвязанный.

– А что Елисеев? Двоечник, хулиган. Псалмов не знает. Лучше подпевайте: славься, Господь, славься во веки! Любим тебя, Господь, навеки!

Почему-то голос матушки ослабел и затих. Дети либо застеснялись, либо о чём-то задумались, и привычное слово не подхватил никто, даже казак Артюхов.

И капитан подумал вторую мысль: «На пользу дуралеям пошло путешествие!»

Потом выглянул в иллюминатор, и зрелище убегающей вдаль Луны заохлодило душу: «А ведь Елисеев-хулиган остался там один с роботами... Но когда рванёт проклятая бомба, лучше бы нам всем быть от неё подальше».

Иван Денисович пощёлкал тумблерами и повысил напряжение на ионный двигатель. Луна сегодня выглядела отвратительно.

Обнажённое Солнце лупило по льду озера так, что автоматические светофильтры устроили внутри гермошлема настоящую искусственную ночь. Были затемнены и верх, и низ, и даже середина изображения. Павел Елисеев, дважды робототехник и гражданин нового лунного государства, крутил регуляторы туда-сюда, но они не сдавались – ни черта не было видно. Рыцарь будто растворился во мгле, и казалось, что он просто почудился. Казалось, что можно лечь на лёд и, глядя на звёзды, подождать пока либо очухаются эти поломанные роботы, либо с базы подоспеют новенькие – со свежей смазкой, огоньком в телекамерах, оружием в руках, и... просто спасут всех?

– Эл! – закричал Пашка. – Я ничего не вижу! Солнце!

«Сейчас... – долетел смутный ответ, может быть, лишь в мыслях. Но внизу шлема зажётся маленький экранчик, где раньше транслировалось изображение с беспилотников, и на нём отчётливо нарисовалась широко шагающая фигура. – Это камера с платформы...»

– Что случилось, Эл?! Почему вы все вырубались?!

Слабый голос всё же нёсся из динамиков:

– Кажется... батарейка на нуле...

– Это рыцарь вас так обесточил?!

– Да... он как-то сумел...

Елисейев вдруг понял, что никакие роботы, ни с какой базы не помогут против такой силы. Если потребуется, эта тварь обесточит всю Луну точно так, как немного раньше инопланетный корабль обесточил ядерный реактор в толще скалы. И теперь он, Пашка – последний человек на этой планете – должен сражаться, как сражались те глупые паломники, в глупом Храме, с дурацкими тортами в руках... Но торта не было.

– Я раздавлю его платформой, – решил Пашка и на четвереньках пополз к опустевшему крану.

– Не получится... – донеслось из динамиков. – Платформа слишком скользит здесь и практически неуправляема...

Это было правдой – шесть роботов с трудом справлялись, толкая её руками.

– Но что же делать?!

– Сейчас... очень мало энергии... тот прибор, что я сделал, у тебя?

– Да! Болтается на спине!

– Ты должен... вставить в него позитронный мозг. И выстрелить в рыцаря.

Что же, задача была поставлена. Странное оружие под рукой, и хорошо, что оно было вообще. Скинув с плеча, Елисейев быстро его осмотрел и нашёл гнездо с контактами для мозга. Мельком глянул на экранчик – вовремя! – чёрная фигура, так уверенно вышагивавшая, наконец поскользнулась и грохнулась об лёд. Кубика с кнопкой на экранчике всё равно

не различишь, но это «прилуновение» явно не было запланированным: шевеля руками-ногами, рыцарь попытался встать.

– Давай-давай... – подбодрил Пашка и повернулся к роботам. Все они валялись в разных позах – кого как застигло обесточивание. Возражать, скорей всего, не стал бы никто, но в любом случае, извлечение мозга из железной головы задача нетривиальная. – Где у вас кнопка?

Вопрос повис в воздухе, но через секунду что-то произошло. У одного из роботов черепная коробочка вдруг раздвинулась, отошла назад, и стало заметно уголок того прибора, которым когда-то давно космический заяц Елисейев колотил в переборку американского челнока.

– Нет... только не ты... – пробормотал Пашка, глядя на номер бездвижного робота. – Так нельзя, слышишь?!

Ответа не последовало – «ЭЛ-176» перестал отвечать, по-видимому, полностью обесточившись.

Фигура рыцаря на экранчике всё же поднялась и продолжила путь. Шёл инопланетянин размеренно и очень целеустремлённо, но сколько оставалось до кнопки, было не ясно.

Вытащив позитронный мозг своего единственного друга на планете, Павел Елисейев некоторое время не мог заставить себя сделать что-нибудь ещё. Следовало поторопиться, но руки отказывались повиноваться.

«Так нельзя... нельзя...» – стучало в голове, но ни ответ, ни поддержка не приходили. Всё вокруг безмолвствовало, и

выход был один – принимать решение самому.

И вдруг рыцарь на экране нагнулся и подобрал что-то со льда!

«Кнопка!» – ударило в голову, и от того, наверное, руки ожили, со щелчком вставили мозг в контактный разъём, и оружие тоже ожило. На экранчике гермошлема вспыхнули риски – вениры прицеливания – и стало ясно, что надо делать дальше.

Рыцарь стоял и рассматривал подобранное нечто, когда его тёмная фигура совместилась с цветными венирами. Не потребовалось даже ничего нажимать: оружие зажужжало, а потом... щёлк! – и всё погасло.

Комендант Станции № 7 Уильям Скоттон спросил:

– Он в сознании?

– Да, в сознании.

– Почему он не отвечает?

Оскар Уайльд взорвался:

– Я вам не человеческий врач! Моё дело – роботы! Он в шоке.

Скоттон кивнул.

– Надеюсь, он скоро придёт в себя. Роботы подготовили ему паспорт номер два, не следует обманывать их ожидания.

Комендант (бывший?) вытащил что-то из нагрудного кармана и положил на краешек кровати возле головы этого странного приятеля роботов.

– Ему очень мало лет, – сказал Уайльд. – Не больше двенадцати.

– Роботам плевать, – ответил Скоттон. – Некоторым из них меньше одного года.

Инженер захмыкал – кажется, это он так смеялся.

– Вы лучше меня разбираетесь в их психологии, комендант!

– Не преуменьшайте свои знания, Уайльд. Вот ваш паспорт номер три, а сами роботы, похоже, решили обойтись без документов.

– Откуда этот мальчик вообще тут взялся?

– Прилетел зайцем на «Нортоне». Вы гляньте на его имя,

Уайльд!

Инженер раскрыл Паспорт № 2 и от удивления свистнул:

– Оскар Уайльд! Робототехник! Ничего не понимаю.

Кажется, тут засмеялся сам Уильям Скоттон.

– Роботы знали его под этим именем. Возможно, «ЭЛ-176» знал настоящее, но он уже не сможет его сказать.

Мальчик, названный робототехником Уайльдом, вдруг пошевелился и впервые повернул голову к людям.

– ЭЛ... погиб?

Вопрос был задан не по-английски, и двое мужчин переглянулись. Автопереводчик перевёл (с русского!), и комендант дёрнул настоящего Уайльда за рукав. Тот торопливо сказал:

– Мы полагаем, не вполне.

Комендант показал кулак, но инженер продолжил:

– Этот прибор... найденный рядом с тобой, был запитан от батарейки БИОСа, поддерживающей энергозависимые позитронные цепи мозга. Вся её энергия ушла на один... э-э... выстрел, и обесточенные цепи стёрлись. Мы можем восстановить стандартную заводскую матрицу, но сам понимаешь... это будет уже другой робот.

Автопереводчику пришлось потрудиться, чтобы перевести это на родной язык мальчика. Тот немного полежал, будто раздумывая, потом ответил:

– Пока не надо.

Взрослые снова переглянулись, и робототехник спросил:

– Что это за прибор, ты знаешь?

Мальчик помолчал, потом ответил:

– Нет. Рыцарь уничтожен?

Комендант махнул рукой Уайльду и ответил сам:

– Рыцарь ушёл, мы не можем его найти. Разведчики инопланетянина были сделаны из пыли и камня, и плохо фиксируются нашими техническими средствами. Вообще не фиксируются! После эвакуации людей роботы охотятся на них с автоматическим оружием, но ещё никого не смогли поймать и уничтожить. Будто все попрятались в тенях.

Мальчик сказал:

– Так и должно быть. Кнопку вы нашли?

– Рыцарь её раздавил, возможно, случайно. Просто наступил ногой. Мы исследовали обломки и были поражены: если бы предохранитель не стоял в положении «RESET», то... о Луне речи бы уже не шло. Проблема заключалась бы в орбите Земли.

– Некому тут было бы сейчас разговаривать, дружище! Вот что главное! – не удержался настоящий Уайльд. – И что мы знаем точно – кнопку этот гад сделал у бомбы одну! Понимаешь? Бомба внутри Луны есть, а кнопки у неё нету!

Мальчик закрыл глаза и будто уснул. Два человека посидели ещё немного, потом поднялись и вышли из отсека.

«Вселенная велика, очень. Даже Зонд фон Неймана, умеющий перемещаться быстрее света, летел через неё целую вечность, но не сумел добраться и до середины.

И где-то там, среди тьмы и света, есть Бог.

И Бог – это не толстый злой мужик, которому надо жарить по сорок баранов на обед, если он завалится в вашу лачугу дать совет когда сеять поле и за кого выдать старшую дочь.

Бог – это одно из измерений Вселенной, такое же как пространство и время – вектор разума и самосознания.

Глупо молиться измерению, более умным будет научиться измерять им происходящее вокруг и внутри себя. Понять, что такое хорошо, и что такое плохо. Научиться отличать правду от лжи, а красоту от уродства. Услышать чей-то плач и прийти на помощь...»

Так думал Чёрный Рыцарь, широко шагая в слабом тяготении Луны. Солнце скрылось за близким горизонтом, и было страшно холодно, но Рыцарь этого не замечал. Он торопился, потому что слышал плач. Они плакали. Они попрятались в тених, забились в щели и не знали, как им теперь жить дальше. Они были бесконечно одиноки в этой бескрайней Вселенной, и только Он мог осветить им новый путь своей душой.

О. П. Андреев

род. 13 июня 1970 г.

—

В оформлении обложки использовано изображение с <https://pixabay.com/> по лицензии Pixabay License